

Он и она - параллельные прямые,
которые пересеклись

Когда
зацветает
судень

18+

Алёна Черничная

Алёна Черничная

Когда зацветает сирень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69488254

SelfPub; 2023

Аннотация

Он обаятельный и привлекательный наглец с золотой кредиткой в кармане. По Марку Громову выплакан целый океан девичьих слез нашего университета. Я и он – параллельные прямые, которые никогда не должны были пересечься. Но мы пересечемся трижды. Первый раз Марк просто решит похитить меня посреди белого дня. Второй раз – той самой ночью, навсегда разбившей мне сердце. А третий – когда его и моя жизни станут двумя полосками теста на беременность.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	64
Глава 11	72
Глава 12	80
Глава 13	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Алёна Черничная

Когда зацветает сирень

Глава 1

Ли́ка

«Громов! Громов! Громов!»

Эта фамилия сегодня с самого утра резонирует от университетских стен, передаваясь от студентов к преподавателям. Правда, реакция у тех и других совершенно разная. Если первые весьма позитивно обмусоливают новость о возвращении некоего Громова в нашу альма-матер, то вторые недовольно цокают и даже обреченно вздыхают.

И, наверное, одна только я вообще не в курсе, с чего такое активное шушуканье по углам. Поэтому уже на третьей паре не выдерживаю и толкаю в бок свою одноклассницу и по совместительству соседку по комнате в общежитии. Настя, хоть и учится здесь столько же, сколько и я, а именно ровно неделю, но успела и стать старостой, и перезнакомиться с половиной активистов универа.

– Насть, – наклоняюсь к ее уху и шепчу максимально тихо в унисон с бубнежом препода по философии, – ху из Громов?

Она отодвигается от меня, изумленно округляя глаза. Потом поправляет за ухо темную прядь, выбившуюся из иде-

ально уложенного каре, и с заговорщическим видом придвигается обратно.

– А ты не в курсе? – шепотом тараторит Настасья. – Громов – это же сыночек нашего...

– Соболевская! – возглас препода заставляет нас вздрогнуть и отшатнуться друг от друга по разным углам стола. Вот гадство! Да как он нас услышал-то, а? – Может, вы вместо меня хотите лекцию провести?

Взгляды всех одноклассников устремляются в мою сторону. А я с пунцовыми щеками поднимаюсь, поправляю съехавшие очки на переносице и виновато бормочу:

– Я просто переспросила у Насти по теме...

– Переспросила она... – недовольно бухтит препода. – слышать надо внимательнее, чтоб не переспрашивать. Отсела от Семеновой на другой ряд за свободный стол. Живо.

Не переставая краснеть, я забираю свои вещи и послушно плетусь за предпоследнюю парту соседнего ряда.

А Настя лишь провожает меня виноватым взглядом.

Украдкой вздыхаю, размещаясь на новом месте. Ладно... Продолжим ликбез по теме «Кто такой Громов» на следующей паре. Все равно это физкультура.

«Лика, студсовет затягивается. Не жди меня. Иди на физкультуру сама» – получаю я сообщение от Насти после недолгого ожидания у главного входа в универ.

– Блин! – фыркаю от досады, понимая, что стадион, где

будут проходить занятия по физкультуре, придется искать самой.

Пока я ждала Настю, все наши одноклассники уже отправились на пару дружной толпой. А за неделю проживания в Ростове мне, как приезжей студентке из маленького соседнего городка, этот а-ля мегаполис не стал более понятным, чем в день прибытия. Шумно, людно, вечные пробки и маршрутки, которые останавливаются, где ни попадя.

Топчусь на месте и оглядываюсь по сторонам, жалея, что на первом кураторском часе записала адрес стадиона не в телефон, а в какой-то из своих тетрадок. Но точно не в одну из тех, что сейчас аккуратно сложены в моей сумке, болтающейся на плече. Растеряннo тру переносицу и снова прижимаю к ней очки.

Так... И куда теперь? Искать дорогу на стадион по наитию? Но мысль, как упростить себе задачу, приходит в мою голову совсем неожиданно, когда краем глаза цепляюсь за проскочившую мимо меня мужскую фигуру в черной толстовке и потертых джинсах.

Высокая, подтянутая, с размашистыми плечами. Парень только что появился из дверей универа, а значит, вполне может иметь хотя бы приблизительное представление о том, где проходят пары по физ-ре.

– Извини, пожалуйста, а ты мне не поможешь? – бросаю ему в широкую спину.

Притормозив, он не спешит оборачиваться на мой голос.

Словно раздумывает, надо ему это или нет? Но выбор у меня небольшой, а до начала пары меньше получаса, поэтому я с ходу бросаю интересующий меня вопрос.

– Не подскажешь, как добраться до стадиона?

Парень наконец оборачивается и, склонив голову набок смотрит прямо на меня. Ну, скорее всего, на меня, потому его взгляд спрятан под чёрным стеклом солнцезащитных очков. Все, что могу рассмотреть, так это скульптурные контуры его скул и слегка пробивающуюся тёмную щетину на лице.

– Куда? – басом переспрашивает он.

– На стадион. У меня пара там, – аккуратно повторяю я, переминаясь с ноги на ногу.

Он молчит, продолжая пялиться на меня через тёмное стекло «рей бенов» и держать уголки губ ехидно приподнятыми. И мне становится уже как-то не по себе. Хочется поёжиться. Я не вижу его глаз, но чувствую, что меня досконально сканируют с ног до головы. На всякий случай окидываю быстрым взглядом свои джинсы и заправленную в них простую белую блузку с длинным рукавом. Да нет... Все в порядке... Тогда почему так затягивается молчание?

– Ты первокурсница?

Подтверждаю его догадки одним кратким кивком.

– Тогда тебе на «Динамо», – хмыкает он.

– А это далеко? – осторожно прошупываю почву дальше, чувствуя, как жар потихоньку щиплет мне щеки.

Ощущение, что на меня слишком внимательно глазят через темные очки становится все навязчивее.

– У-у-у... очень, – парень таинственно понижает голос до хрипотцы, а я уже чувствую, как по моему лицу расползаются горячие пятна.

Развернувшись на пятках идеально белых кроссовок, он снова демонстрирует мне свою спину в черной толстовке.

Я выдыхаю, закатывая глаза. Ясно. Помог. Спасибо. Значит, буду гуглить, где это самое «У-у-у, очень». Лезу в поисковик телефона, но успеваю только разблокировать экран.

– Эй, рыжая бесстыжая!

Вздрагиваю и резко поворачиваюсь к источнику звука, даже не сомневаясь, что такой беспардонный оклик предназначен именно мне. Подобные дразнилки слышу свой адрес с самого детства.

Я удивленно приподнимаю бровь. Тот парень все ещё не исчез из виду, а всего лишь отдалился от меня на пару шагов. Только теперь капюшон его толстовки скинут, а очки подняты на макушку, слегка сминая аккуратно уложенную копну темно-каштановых волос.

– Я могу тебя довезти, – выдаёт он.

Опешив, я на всякий случай осматриваюсь по сторонам.

– Меня? – Вдруг где-то неподалёку спряталась ещё одна рыжая? Но нет. Возле входа в универ только я и он. – Спасибо, не надо, – отрицательно трясую головой и благодарю сдержанной улыбкой.

И демонстративно возвращаю свое внимание экрану телефона. Идея, конечно, заманчивая, но ехать с незнакомцем в машине...

– Что? Ехать с незнакомцем в машине стремно? – усмеяется парень, а я снова поднимаю на него взгляд, ошалело хлопая ресницами.

Я что произнесла это вслух?

– Ну... Вообще-то, да, – осторожно тяну ответ.

Недолго думая, парень двумя широкими шагами сокращает между нами расстояние.

– Так это легко исправить, – он неожиданно широко и весьма обаятельно улыбается. Не только губами, но и бездонно черными глазами: миндалевидными и слегка раскосыми. Это придает его внешности что-то необычное и особенное. – Марк.

Передо мной оказывается его раскрытая жилистая ладонь. На несколько секунд я подвисяю, потому что это... странно. Я же всего лишь спросила адрес у проходящего мимо парня. Но моя рука зачем-то тянется к его.

– Лика.

И даже не успеваю коснуться ладони нового знакомого, как он тут же отпускает предложенную мной правую руку и легко перехватывает левую, переплетает наши пальцы в замок. Я не сдерживаю шумный вдох, но, походу, Марка ничего не смущает.

– Вот и познакомились. А теперь поехали. – Всё так же

непринужденно улыбаясь, он просто тянет меня за собой.

У меня отшибает дар речи напрочь, собственно, как и должную реакцию на все происходящее. В голове то мигает красным: какого черта? Но вместо того, чтобы брыкаться и хотя бы попробовать выдернуть свою ладонь из горячего капкана его пальцев, я просто ошалело семеню за Марком.

И прихожу в себя лишь через несколько секунд, когда мы уже успеваем добраться до черной огромной иномарки, припаркованной в прямо напротив универа.

– Так, стоп! – все-таки одергиваю свою руку и отшатываюсь от Марка. – Что происходит?

Слышу, как он цокает, а потом поворачивается ко мне, одаривая искрами в темных радужках.

– Ничего. Я просто собираюсь подвезти тебя.

– А я согласия не давала, – хмурюсь и пячусь от греха подальше.

– А мне оно и не нужно.

Я делаю ещё один настороженной шаг назад, но Марк оказывается гораздо проворнее. Он приближается ко мне вплотную, а аромат мужского парфюма окутывает за секунду, ударяя в голову.

Беспардонно обхватив руками мою талию, Марк легко перекидывает меня через свое плечо. А ещё через мгновение моя пятая точка приземляется на переднее сиденье его машины.

Глава 2

Ли́ка

Я растерялась настолько, что даже не сразу поняла: меня только что, посреди белого дня, прямо на улице насильно за-
пахнули в чужую машину. Не предприняла ни одной попытки
самообороны, пока несколько секунд болталась на плече
у этого ненормального. И не выдавила из себя ни звука. Раз-
ве что успела придержать падающие очки, чтобы они не по-
летели к асфальту.

Отмираю, лишь когда Марк плюхается на водительское
сиденье, а замки иномарки пугающе громко щёлкают.

– Эй! Выпусти! – Дрожащими пальцами хватаюсь за ручку
пассажирской двери и дёргаю её изо всех сил. – Сейчас же
открой! Быстро!

Мой голос уже истерично звенит, тогда как неожиданный
похититель уж слишком хладнокровен. Он никак не реаги-
рует на отчаянные попытки выломать дверь в его машине.
С бьющимся сердцем в груди и в полной панике смотрю на
ухмыляющегося Марка, который преспокойно даёт ход ав-
томобилю, вклиниваясь в общий поток на дороге.

– Остановись!

– Ты чего так орёшь? – Марк недовольно сдвигает густые
полоски тёмных бровей к переносице, не переставая следить
за движением машин.

– Ты что себе позволяешь? Охренел?! – испуганно смотрю на сосредоточенный мужской профиль.

– Я? – отвлекшись от дороги, Марк одаривает меня взглядом, полным искреннего изумления. – Я спас тебя! Ехала бы ты сейчас не в комфортной тачке, а вон... – он указывает подбородком на проезжающую мимо маршрутку, – приплюснутая своими веснушками к какому-нибудь потному мужику.

На секунду меня передергивает от этой картинки, но и спокойнее не становится. Тоже мне рыцарь дня...

– Ты схватил меня и запихнул к себе в машину! И я должна поверить в то, что ты адекватный? Это уже похищение! – снова повышаю голос, а заодно как можно незаметнее пытаюсь нащупать в сумке газовый баллончик.

Ну так. На всякий случай.

– Тогда это было самое короткое похищение за всю историю криминального мира, – Марк расплывается в широченной белоснежной улыбке, а машина, прижавшись к тротуару, резко тормозит. – Выходи.

Непристёгнутая, я дёргаюсь вперёд, не успев даже подстраховаться руками, а содержимое моей сумки с грохотом валится под сиденье. Теряю дар речи второй раз за прошедшие несколько минут. Мои глаза готовы вылезти из орбит, когда я, отлипнув от панели над бардачком, шокированно смотрю на Марка.

– Ты... ты вообще адекватный? – шиплю в лыбящееся ли-

цо этого придурка.

– Обернись, – усмехается он, указывая глазами за мою спину.

Повернувшись в ту сторону, куда устремлен взгляд Марка, я понимаю, что меня только что весьма тупо разыграли. Потому что мои глаза натываются на огромный баннер с надписью «Стадион «Динамо», растянутый на высокой кирпичной стене. Меня мгновенно накрывает желание не сдержаться и двинуть по оборзевшей смазливой роже позади себя.

Тот самый стадион, до которого так долго ехать, оказался всего лишь на соседней улице. И мне явно хватило бы и пары минут, чтоб пройтись до него пешком.

– В качестве спасибо за услуги такси принимаю твой номер телефона, – слышу самоуверенное хмыканье на соседнем сиденье.

Шумно втягиваю воздух, заполняя лёгкие запахом натуральной кожи салона иномарки вперемешку с терпкой вуалью мужского парфюма. Стираю зубы и мысленно считаю до пяти.

Мне надо просто схватить свои вещи и уйти отсюда. Что я, собственно, и делаю. Быстро собираю ручки и тетрадки, оказавшиеся на полу под сиденьем, и запикиваю их обратно в сумку. Даже не думая поворачиваться к Марку, наконец выскакиваю из машины. И, прежде чем хлопнуть со всего размаха дверью, бросаю через плечо лишь грубое:

– Идиот!

На ватных ногах я как можно быстрее устремляюсь прочь от чёрного внедорожника. Правда, меня не собирается покидать ощущение, что через наглухо тонированные стекла за мной пристально наблюдают. Спину и затылок буквально колет жгучими мурашками.

Перевести дух у меня получается, лишь когда я заворачиваю за угол административного здания стадиона. Встряхиваю головой, сгоняя с себя какое-то тягучее чувство. И как вообще я умудрилась нарваться на такого неадекватного?

Но мысли об этом странном знакомстве перебиваются громким звуком свистка преподавателя физкультуры, который уже собирает всю нашу группу, столпившуюся у скамеечек стадиона, на построение. Приходится срочно-обморочно нестись к дверям с надписью «Женская раздевалка». Получить нагоняй за опоздание не особо прельщает.

В тесной комнатухе нахожу свободный шкафчик и в ускоренном режиме стягиваю с себя джинсы, блузку, оставаясь в одном белье.

Но резкий скрип двери за спиной заставляет меня испуганно подпрыгнуть на месте.

– О, ты уже тут. Чего трубку не берёшь? – запыхавшаяся Настя вихрем влетает в раздевалку и бросает свои вещи в соседний шкафчик.

Я облегчённо выдыхаю, чувствуя в висках грохочущий пульс. Да уж... С такими приключениями, как сегодня, зачатки паранойи мне обеспечены.

– А я и не слышала, как ты звонила, – честно признаюсь я. – Телефон, наверное, затерялся где-то в конспектах.

Чёрт! Мой телефон! С дурными опасениями я в панике наклоняюсь к сумке, начиная хаотично перебирать её содержимое. Форма для физкультуры... Тетрадки... Ручки... Книжки. О нет...

– Блин, надо быстрее переодеваться, – тараторит под руку Настасья, – а то там препод уже...

Но её причитания перебиваются очередным «стоном» двери. Продолжая судорожно копошиться в карманах своей сумки, я уже не реагирую на этот противный скрип. И зря...

– Лика... – бас с хрипотцой монолитом повисает в крошечной раздевалке.

Тот самый бас с хрипотцой.

Голос Марка.

На несколько секунд я просто застываю в неоднозначной позе: наклонившись к сумке, свечу своей полуголой пятой точкой в чёрных бразильяно точно на входную дверь.

Медленно выпрямившись, я оборачиваюсь. И меня парализует окончательно.

Что вообще происходит? И какого лешего здесь делает Марк?

Опершись плечом о дверной косяк, он изучающе, нет – пожирающе обводит взглядом всё, что перед ним. А я перед ним практически голая. На мне лишь спортивный комплект белья и небрежно рассыпанные по плечам волосы, кое-как

прикрывающее тело до талии.

В мои щеки вгрызается жар, а кончики пальцев рук и ног холодеют за секунды. Я растеряна до состояния пустоголовой рыбёшки, бесполезно хватаящей ртом воздух.

С какой-то слишком хищной улыбкой Марк отталкивается плечом от стены и приближается ко мне. А я не в состоянии сдвинуться и на миллиметр, даже когда нарушаются все допустимые границы моего личного пространства.

Он останавливается настолько близко, что одного вдоха хватает забить кислород в лёгких ароматом мужского парфюма. Что-то терпкое с нотами цитруса...

– Ты забыла у меня в машине, – спокойно произносит Марк и, доставая из кармана толстовки мой телефон, не перестаёт испытующе смотреть на меня в упор.

И он настолько выше, что приходится обалдело глазеть на него, вскинув голову. Вместо того чтобы выхватить свой мобильный и наконец уже прикрыться, я лишь ловлю себя на мысли, что в его глазах невозможно рассмотреть зрачки. Они просто сливаются с цветом его радужек. И это жутко...

Глухое покашливание Насти рядом выводит меня из оцепенения. Выдернув у Марка телефон, я обхватываю себя руками за плечи и встряхиваю волосами. Моя рыжая копна становится своеобразной ширмой между ним и мной. Боже... Я горю факелом и готова расплавиться от стыда.

Хмыкнув, Марк склоняет голову и, мазнув по моему телу оценивающим взглядом, совершенно спокойно произносит:

– Я тебя наберу.

Я начинаю дышать лишь тогда, когда слух режет скрип двери, а тесную раздевалку больше не заполняет двухметровый пугающий экземпляр с глазами, похожими на чёрное полотно.

– Это вот что сейчас было? – слышу Настю как через толщу воды.

– Я не знаю... – Сглатываю ком в горле и просто прислоняюсь голой спиной к дверце шкафчика.

Ледяной металл никак не отрезвляет. В моей голове всё ещё сумбур.

– Ли́ка, я думала, что ты не знаешь его!

– Кого? – поворачиваюсь к Насте, у которой вместо глаз ошалелые блюдца.

– Того, кто только что здесь жрал тебя, полуголую, взглядом!

– Настя, так я и не знаю, кто это! – мой голос срывается, а ощущение какого-то полного позора накрывает с головой.

– Ты прикалываешься? – подруга подозрительно прищуривается и упирает руки в бока. – Ли́ка, это и есть Громов. Марк Громов. Сын заместителя губернатора.

Глава 3

Ли́ка

Стараясь не расплескать свой кофе без сахара, лавирую между столами, за которыми студенты активно хомячат котлетки и пюрешки.

Отыскиваю свободный столик у окошка и занимаю его нам с Настей, которая вот-вот явится с какого-то очередного студенческого сборища. Но не успеваю удобно расположиться, как напротив меня снова оказываются горящие наглостью раскосые глаза.

– Привет, – вальяжно плюхнувшись на стул, Марк широко улыбается, демонстрируя идеально ровный ряд белоснежных зубов.

Моя реакция на его появление однозначная и непоколебимая.

– Здесь занято, – жёстко отрезаю ему в ответ и скрещиваю руки на груди.

И чего он прицепился? Мало вчерашнего представления? Я потом полвечера доказывала Насте, что ни-ка-ко-го отношения к мистеру Громову не имею. И наше знакомство – это лишь моя оплошность в виде решения обратиться за помощью к первому встречному.

– Кем? Тиабалду? – Марк иронично прищуривается и тянется к моему кофе.

Ну это уже наглость! Я успеваю отодвинуть стакан подальше, за пределы зоны досягаемости клешней Громова. И невольно обращаю внимание, что из-под рукавов его белой футболки виднеются очертания каких-то татуировок, набитых у предплечий.

«Интересно. А что там?» – зачем-то проносится в моей голове, но я тут же себя одёргиваю.

– Жадина, – фыркает Громов. – Почему на звонки не ответила?

Я удивлённо выгибаю бровь:

– А ты звонил?

– В пропущенных номер с пятью восьмёрками на конце не заметила? – Марк зеркалит моё движение бровями.

Так вот кто тиранил мой телефон в три часа ночи. Благо у меня есть привычка: полностью переводить звонки после двенадцати на беззвучный.

– А я не беру трубку с неизвестных номеров, – поправив очки, «мило» улыбаюсь Громову.

Марк складывает руки на стол и, опершись на них, наклоняется ко мне.

– Так запиши.

В его голосе играет усмешка, а вот глаза... Они жутковато притягивают тьмой. На несколько секунд я словно подвисяю, и сердцебиение подвисает вместе со мной. Меня отрезвляет лишь звон посуды за моей спиной.

Наплевав на недопитый кофе и на договор пообедать с На-

стей, я резко подрываюсь с места, намереваясь уйти. Мне не нравится наше общение. Марк странный.

И, видимо, именно по этой причине мне не удаётся сделать и шага в сторону. Громов скалой становится на моём пути, а я окончательно теряю самообладание.

– Чего тебе надо от меня? – проговариваю уже так грубо, что должно быть максимально понятно: общаться я не хочу.

– Сколько у тебя ещё пар? Предлагаю сходить в кино.

– Я никуда с тобой не пойду, – отрицательно качаю головой.

– Не хочешь ходить? Тогда давай после пар просто покажемся на машине, – он расслабленно пожимает плечами.

– Любишь кататься? – хмыкаю я.

– Люблю, – крупные губы Марка растягиваются в довольной улыбке.

– Любишь кататься, женись на кататься.

Громов недоуменно сводит густые брови у переносицы:

– Чего?

– Японская мудрость, Марк, – язвительно улыбаюсь ему в ответ.

Вздохнув, он неожиданно тянется к моим очкам. Осторожно стягивает их с лица, а его пальцы касаются моих скул. И это секундное ощущение сбивает во мне дыхание. Мимолётное прикосновение как статическое электричество – приподнимает каждый мой волосок на коже. В этот момент я радуюсь, что все эти мурашки надёжно скрыты под длинными

рукавами тонкого пуловера.

Нацепив очки себе на кончик носа, Марк внимательно рассматривает моё лицо поверх оправы.

– Зачем ты их носишь? – вдруг на полном серьёзе заявляет он. – Без них лучше. И у тебя, оказывается, бездонно голубые глаза.

А у него бездонно чёрные с непозволительно длинными ресницами. Правда, сейчас все остальные черты его лица расплываются передо мной. То ли потому, что без очков я не могу похвастаться хорошим зрением, то ли потому, что внутри меня дёргается какое-то странное чувство. Я не понимаю: мне бояться Марка или просто не реагировать на его манерность, и он сам отстанет?

А отстанет ли?

– Марк, отдай очки. На нас уже смотрит вся столовая, – прошу его вполголоса.

И это ещё мягко сказано – смотрит. Такое количество устремлённых к нам взглядов и шушуканий не вызывает во мне ничего, кроме нестерпимого чувства неловкости и горячих щёк.

– Кому видно, тому стыдно. – Сверкнув глазами, Марк делает шаг назад от меня. – Русская народная мудрость. В курсе о такой?

– Громов, блин... – шиплю я сквозь зубы, сжимая кулаки.

Хочется рвануть к нему и просто подзатыльником сбить свои очки с его смазливой физиономии. Но мы оба и так как

на арене цирка.

Марк ничего не отвечает, лишь пятится к выходу. Подняв большой палец и мизинец, имитирует телефонную трубку и прикладывает ладонь к уху, чересчур обаятельно улыбнувшись.

И, перед тем как исчезнуть из столовой, сталкивается в дверях с Настей. Марк проскальзывает мимо неё, даже не взглянув, а вот лицо подруги вытягивается, когда она замечает на его носу мои очки. А их сложно не узнать: большие капли в изящной металлической оправе.

Настя тут же бросается ко мне со скоростью света, пронзая взглядом, в котором только и читается: сейчас ты мне всё расскажешь, подруга.

А я понимаю, что не расскажу.

Потому что не имею никакого представления, что это было между мной и Грозовым. И что вообще ему от меня нужно?

Глава 4

Марк

Телефон вздрагивает на соседнем пустом стуле, оглашая тишину аудитории глухим звуком вибрации. Отрываю от стола голову, уложенную на руки, и смотрю на светящийся экран.

Поляк: *«На фиг тебе эта рыжая?»*

Покосившись на препода, который весьма активно вырисовывает какие-то формулы на доске, прячусь за спиной толстой одноклассницы и печатаю ответ:

«Симпатичная, да? Смотри, чё урвал!»

Делаю селфи с очками девочки и отправляю абоненту «Поляк». А потом и номеру под именем «Рыжик». Получают сообщение оба. Только если Лика прочитала и тут же вышла в «офф», то Поляк уже минуту строчит мне ответ.

Рыжая, блин. Не выпендривайся, что ты вообще об этом не паришься. Думаешь, незаметно, как неслабо коротнуло твоё тело, стоило мне случайно прикоснуться к тебе?

И, пока жду опусы от своего лучшего друга, опять возвращаюсь к чату с абонентом «Рыжик». Ничего не пишу, а просто нажимаю на аву с фотографией, которую отправил Полякову, и раскрываю её на весь экран.

И что не так Дэнэ? Ну ведь реально симпатичная, даже несмотря на то, что на фото она в этих конченных оч-

ках. Миловидное личико с тонкими чертами, аккуратный носик, усыпанный татушками из веснушек, и какие-то слишком невинно-выразительные губы. Не назову Лику прям эффектной. Моя память может подкинуть более ярких и сочных мадам, но...

Она непривычно естественна и изящна. И как-то выделяется своим рыжим водопадом волос из общей массы. Скорее всего, я бы её и так заметил где-нибудь в универе, не одёрни она меня так удачно вчера на выходе. А теперь точно есть чем заняться в ближайшее время.

Хмыкнув, продолжаю рассматривать Лику на фотке. Интересно, через сколько она сдастся?

На экран падает сообщение от Поляка:

«Ну не настолько симпатичная, чтобы начать впрямь ради потрахушек. Имеются варианты побыстрее, поговорчивее, где есть за что подержаться. Зачем тебе распыляться?»

Ухмыляясь, пишу ответ:

«Думаешь, мне потребуется много времени?»

Поляк печатает в этот раз быстрее: *«Откуда ж мне знать? Тебя здесь не было целый год. Может, ты уже и всю хватку растерял?»*

Даже через экран телефона чувствую откровенную издёвку с намеком на вызов. Серьёзно? Поляк пытается взять меня на понт? Как в старые добрые времена? Детский сад, блин! Хотя... Осматриваюсь вокруг, словно хочу точно убе-

диться, что в аудитории за последним столом в среднем ряду сижу только я. И свидетелей замысла моей шалости нет. Может, это и не гуд, но... По фиг! Весело будет точно.

Возвращаюсь к фото Лики и снова всматриваюсь в каждый миллиметр её личика. И в эти чистейшие голубые глаза... Внутри что-то вздрагивает и тёплым потоком медленно опускается к паху. Чёрт!

Ответ Поляку пишу тут же: *«Дэн, неделя. Отвечаю. Не больше. И эта малая – моя»*

Поляк: *«Твоя так твоя. Хочешь мороки – камон. Но я бы лучше звякнул Карине. По щелчку приползёт. Пока ты тусил в своей Канаде, она ждала как пёсик Хатико. Кстати, а чё канадские тёлки? Где порноотчёт и...»*

Дальше я сообщение не читаю. Блокирую телефон и откладываю его в сторону, потому что не планирую ничего отвечать.

Снова утыкаюсь лбом в поверхность стола, прислушиваясь к тихим переговорам совершенно незнакомых мне одногруппников. Мои родные рожи, в том числе и Поляк, выпустились ещё в прошлом году, пока я зависал в академическом отпуске. Да и я бы мог уже не отсиживать себе зад в душных стенах факультета международных экономических отношений, если бы не одно но...

Именно из-за этого мне приходится париться, казалось бы, о мелочах. Например, таких, как подробные рассказы про год учебы в Канаде.

Только что-то мне совсем не хочется быть пойманным на вранье.

Глава 5

Ли́ка

– А где Громов был весь прошлый год? – этот вопрос настолько резко всплывает в моей голове, что я даже не понимаю, как озвучиваю его.

– Вроде за бугром учился по обмену. То ли в Америке, то ли в Канаде... не помню, – отмахивается от меня Настя, не переставая гипнотизировать конспект по экономике.

– Ясно, – вздыхаю я, потирая глаза у переносицы.

Чёрт! Как же непривычно и неудобно. Пришлось сегодня надевать линзы. Спасибо Громову.

Подперев затылком стекло, бросаю взгляд на время в телефоне. И вздыхаю опять. Сидеть нам в коридоре ещё полчаса точно. В связи с внезапно нагрянувшей в вуз проверкой, третью пару отменили. И теперь у нашей группы полутора-часовое окно до следующего занятия. Все разбрелись кто куда, а я и Настя нашли укромное местечко для наших пятых точек на подоконнике в конце коридора второго этажа.

– А чего ты вдруг интересуешься? – Семёнова отвлекается от конспекта и подозрительно прищуривается.

– Просто, – как можно равнодушнее веду плечами.

Правда, мои щёки моментально багровеют. Я бы, может, и хотела отрицать своё любопытство по поводу Марка Громова, если бы оно не нарастало во мне с каждым присланным

им сообщением.

И пока не могу даже понять. Меня раздражает такая настойчивость? Или уже забавляет? Но вот Плюш реально классный. Оказывается, у Марка есть кот. Вчера я проигнорировала все сообщения Громова. Даже его селфи с моими очками. Но каюсь. Не смогла остаться равнодушной при виде фото огромного белоснежного британца с апельсиновыми глазами, греющегося на солнышке.

Я ответила Марку смайликом с сердечками вместо глаз. А следом мне прилетело сообщение с адресом и подпись:

«Приезжай. Потискаешь моего котика».

И я не удержалась. Нет, я не поехала тискать кота, просто ещё раз отправила ответ Марку, но уже буквами:

«Звучит как-то пошло».

Номер с пятью восьмёрками: *«Какое пошло? Плюш кастрированный».*

А вдогонку ещё одно сообщение от этого же абонента: *«Зато я – нет».*

Это была самая отвратительная «шутка», которую мне за восемнадцать лет пришлось услышать, но... В общем, я не знаю... Вряд ли информация о некастрированном Марке заставила меня отвечать ему и дальше. Какого-то чёрта мы переписывались с ним часов до трёх ночи. Обо всём и ни о чём. Об универе, фильмах, музыке...

Громов оказался ещё той болтушкой. Иногда мне приходилось глушить подступающие порывы смеха, уткнувшись

носом в подушку, чтобы не разбудить девочек в комнате. А также выяснилось, Марк ненавидит зелёный чай, шоколад и в совершенстве знает французский. И, к моему удивлению, речь шла не о поцелуе. Он клятвенно заверял, что Цветаева на французском языке – «ваще не проблема».

«Спокойной ночи, Лика. Ecoute ton coeur...»

Пришлось лезть в гугл.

«...Слушай своё сердце...»

А моё сердце непривычно тянуло и давило где-то под рёбрами, пока я пыталась найти сон на подушке.

Правда, на первой паре мне вдруг стало стыдно. И за полотно из тысячи ночных сообщений и за то, что на присланном с утра фото с котом я смотрела уже не на кота... Обнажённый торс Марка оказался рельефным холстом для татуировок. Вензельная надпись на одной стороне рёбер, какое-то когтистое животное – на другой, и ещё несколько абстрактных тату на накачанной груди и крепких плечах. Их рассматривать я уже не смогла. По моей коже пополз такой жар, что пришлось расстегнуть дополнительную пуговицу рубашки, пуская воздух под шифоновую ткань.

И сейчас, после вопроса Насти, с чего это я интересуюсь Грозовым, мне снова нестерпимо жарко.

– Лика-а-а? – Настя смотрит на меня с ехидной улыбкой.

Я торможу с ответом, быстро обдумывая его в голове. И врать не хочется, и признаваться во вчерашней активной переписке как-то...

Но мои внутренние колебания нарушает звук пришедшего сообщения. И сообщение падает не только мне. Телефон Насти пиликает тоже.

Достав мобильник из сумки, вижу оповещение из общего чата нашей группы.

– Офигеть. Это что? У нас? – Настасья спрыгивает с подоконника, пока я изумленно смотрю на экран с фотографиями холла нашего университета.

И он выглядит весьма... необычно. Практически всё пространство занимают охапки цветов в вазах.

Переглянувшись, я и Настя, не сговариваясь, сгребаем сумки с окна и, распираемые любопытством, мчим на первый этаж.

– Интересно, кто это учудил? – пыхтит подруга позади меня.

Даже с лестницы видно, что холл универа без преувеличения весь заставлен огромными букетами. От такой пестроты начинает рябить в глазах. Я делаю шаг с последней ступеньки и замираю в полнейшем ступоре, а моя челюсть готова поцеловаться с полом. Потому что ответ на вопрос: «Кто это учудил?» – уже перед моими глазами.

Темноволосый, широкоплечий силуэт в чёрной футболке и джинсах заметно выделяется на фоне изобилия цвета и яркости вокруг. Заметив меня, «чудило» разводит татуированными руками и, как всегда, широко улыбается.

– Привет.

– Марк, это что? – Я делаю несколько шагов вперёд и застываю перед ним.

– Это цветы, – торжественно заявляет он, сияя притягательно-белоснежной улыбкой. – Ты вчера не ответила на мой вопрос, какие тебе нравятся больше. Поэтому я решил не тыкать пальцем в небо, а предложить всё, что нашёл в ближайших цветочных.

Обвожу взглядом букеты, а потом ошалело хлопаю ресницами, смотря на невероятно счастливого Марка. Боже. Да он выглядит как ребёнок, получивший самый заветный и желанный подарок!

– Ты реально скупил все цветочные магазины?

Хотя зачем я спрашиваю? Это и так очевидно. В холле тупо не протиснуться. Цветы заполняют каждый его метр. Сколько их здесь? Сто? Сто пятьдесят? Двести? Не меньше, это точно.

– Да. Так что выбирай любой букет, – спокойно и не без гордости произносит Марк. А потом, как ведущий прогноза погоды, ведёт в сторону сначала одной, потом другой рукой. – Здесь розы голландские и пионовидные. А там есть лилии и...

У меня не получается сдержать эмоций. Уголки губ медленно ползут вверх, собственно, как и ползёт вверх ритм пульса.

– Ты дурак? – перебиваю Марка и прикладываю ладони к пылающим щекам.

Не моргая смотрю на него. Этот двухметровый татуированный богатырь, стоящий с горящими глазами посреди цветочной армии, просто не оставляет мне выбора. Я очень глупо улыбаюсь.

— Ну почему сразу дурак? — Громов делает шаг ко мне. — Я не смог выяснить, что тебе нравится. Принёс бы алые розы, а ты любишь ромашки. Кстати, они там тоже где-то есть.

Марк останавливается напротив меня, и так близко, что я мгновенно оказываюсь окутана аурой его парфюма. Этот аромат щекочет мои рецепторы, слегка кружа голову. И это странно... Гораздо страннее того, что я и он опять в центре внимания всех, кто сейчас не на паре, а глазеет на этот стихийный цветочный бутик.

— Лика, — усмехается Марк, — отомри. Ты вообще дышишь?

Растерянно киваю. Конечно дышу. Только, кроме цитрусовых нот его парфюма, ничего больше и не чувствую.

Склонив голову набок, Марк молчит, не прекращая наблюдать за моей реакцией. А я просто переглядываюсь то с ним, то с цветами. Господи! А сколько же это стоит?

— Нет. Ты точно не в себе, Громов, — судорожно выдыхаю, убирая руки от лица.

Марк вдруг хмурит брови и с серьёзным видом делает ещё небольшой шаг ко мне. Пронзительно впивается взглядом мне в глаза, а его ладонь тянется к моему лицу. Я замираю, ощущая, как дрожит сердце в ожидании того, что Марк вы-

чудит дальше. Но зычный женский возглас за моей спиной рушит его намерения:

– Громов! Опять ты!

Я резко оборачиваюсь, а Марк обречённо вздыхает. И мгновенно становится понятно, что сейчас кому-то устроят полный разнос, потому что перед нами сама декан экономического факультета.

И её ходящие по лицу желваки не сулят ничего хорошего. Оглядев всё это цветочное безобразие, она просто холодно отрезает:

– Я даже больше с тобой разбираться не буду. Немедленно в кабинет ректора!

– Марина Михална, – нацепив свою обаятельную улыбку, Марк прячет ладони в карманы джинсов и непринуждённо пожимает плечами, – это же всего лишь цветы.

Не знаю, что меня заставляет развязать свой язык, но, ничего не обдумав, я просто уверенно ляпаю:

– А мы всё сейчас уберём. Правда!

Декан тут же переводит убийственно жёсткий взгляд теперь и на меня:

– Фамилия?

– Соболевская... – уже не так уверенно лепечу я, втягивая голову в плечи.

Мария Михайловна важно одёргивает полы своего пиджака и цедит раскатисто и чётко на весь холл:

– Громов и Соболевская, к ректору. Живо!

Глава 6

Лица

Я бы могла назвать кабинет ректора весьма уютным, если бы пришла сюда по доброй воле и собственному желанию. А не под конвоем в виде декана и её жесткого взора. Не совсем понятно, каким боком к выходке Марка приплели и меня. Надо было стоять и молчать в тряпочку, но поздно. Уже сижу перед ректором и нервно перебираю пальцами ремешок от сумки, уткнувшись глазами в пол.

«Меня же не отчислят? Нет?» – так и хочется запричитать, заглядывая в ректорские глаза.

Но такой мандраж охватывает, по всей видимости, только меня. Марк, сидящий рядом, уж совсем не походит на того, кто хоть как-то переживает о происходящем. Вальяжно восседает в кресле, широко расставленные колени и скучающий взгляд ясно намекают – он вообще не парится.

– Громов, – вздыхает ректор, протирая свою блестящую лысину платочком, – я даже удивлён. Ты продержался целую учебную неделю без приколов. А теперь у тебя и сообщник имеется, – подбородком указывает в мою сторону. – Да ещё какой. Первокурсница!

Я сжимаюсь под ректорским взглядом в комочек. Даже с внешностью добродушного пухляка Павел Петрович всё равно вселяет в меня напряжение. Не хотелось бы каких-ли-

бо проблем в дальнейшем. Я бюджетница и рассчитываю на существование в университетских стенах и место в общежитии, как никто другой.

— Так ради этой девочки всё и затевалось, — хмыкает Марк, скрещая руки на груди. — Как мужчина, Павел Петрович, вы должны меня понять. Бьюсь за внимание этой барышни как могу.

Громов загадочно косится на меня, а его чёрные глаза из-под густых бровей просто прожигают взглядом. Мои щёки вмиг становятся как один сплошной ожог.

— А нельзя знаки внимания выражать где-нибудь за пределами университета, а? — ректор монотонно постукивает ручкой по столу и поочерёдно смотрит то на густо краснеющую меня, то на Марка.

И тот протяжно вздыхает.

— Так не выходит, Павел Петрович. На звонки не отвечает, в кино приглашаю — не идёт. Даже просто прогуляться не соглашается.

— А может, ты банально ей не нравишься, Громов? — Павел Петрович иронично прищуривает глаза.

— Может, — ещё тяжелее вздыхает Марк, а потом поджигает губы и смотрит на меня, растерянно моргая пушистыми ресницами. — Не нравлюсь, да?

Только вот в его глазах целая пляска бесноватых огоньков. Мне очень хочется стукнуть Марка чем-нибудь по темноволосой макушке. Например, вот этой статуэткой в виде совы,

стоящей на столе у ректора. Но, краснея с каждой секундой ещё больше, лишь выдавливаю из себя натужное и какое-то неправдоподобное:

– Нет.

Отворачиваюсь от сканирующих меня до молекул глаз Марка и делаю вид, что рулонная штора напротив ничуть не хуже картины Рембрандта. Ну и кто он после этого? Нахал!

– Усёк, Громов? Не нравишься ты девушке. А мне не нравятся твои выходки, – цокает ректор. – Что будем делать?

Слышу, как Марк шумно и с наигранной тоскливостью выдыхает:

– Я буду залечивать своё горячее разбитое мужское сердце. А вянущие цветы в холле станут мемориалом моей неразделенной любви...

Боже! Громов! Ну хитровыделанный гад! Я не выдерживаю. С силой закусываю щёку изнутри и утыкаюсь носом в своё плечо, пряча подступающие раскаты смеха.

– Марк, я серьёзно. К нам приехала проверка, мне не до твоих выходок, – лояльный голос Павла Петровича мгновенно меняется на жёсткий. – Мне не очень хочется звонить тебе отцу.

На этих словах моё любопытство берёт верх. Я бросаю осторожный взгляд на Марка, лицо которого на секунду становится вне эмоций, а в глазах вспыхивает недовольство. Но он в прямом смысле проглатывает выпад ректора про звонок отцу: кадык на его крепкой шее дёргается вниз. На какое-то

мгновение мне кажется, что Марк напрягся. Но уже через секунду всё напряжение с его лица и из позы испаряется.

– Звоните, – расслабленная ухмылка касается губ Марка. – Я же такое жуткое преступление совершил...

– Это не преступление, а нарушение дисциплины и порядка в стенах нашего университета. В общем, так, – Павел Петрович громко бьёт колпачком по столу, – давай убирай свою цветочную лавку. И начни уже вникать в учёбу. Неглупый же парень, за границей стажировка была. У тебя диплом на носу, а ты... – ректор замолкает, снова перекидывая свой взгляд то на Марка, то на меня. – Идите отсюда оба.

Громов, не дожидаясь дополнительного приглашения покинуть кабинет, тут же поднимается с кресла и направляется к выходу. Мне ничего не остаётся, как мысленно поблагодарить всех существующих богов, что моё присутствие здесь особо ректора и не интересовало. Тихо бормочу: «До свидания», – и семеню за Марком, прижав свою сумку к груди.

– Соболевская.

Я испуганно замираю, а по спине прокатывается холодная волна. Рано радовалась.

– Да. – Оборачиваюсь и морально готовлюсь к выговору теперь и в свой адрес.

– Тебе партийное задание особой важности. Займи ты этого оболтуса на недельку хоть чем-нибудь, пока проверка здесь. Сходи с ним уже в парк. Лишь бы Громов мне больше ничего не учудил, – на полном серьёзе заявляет Павел Пет-

рович.

Это шутка? Но, наверное, нет, потому что он смотрит на меня с лицом мученика.

Мягко говоря, я теряюсь и не нахожусь, что ответить. Зато слышу довольную усмешку Марка, задержавшегося в этот момент дверях кабинета.

– Лилии?

– Не-а.

– Белые розы?

– Мимо.

– Орхидеи?

– Холодно.

– Да блин! – недовольно фыркает Громов. – Тогда, может, реально ромашки?

– Не ромашки, Марк, – усмехнувшись, уверенно качаю головой.

Я бы могла уже находиться под пристальным допросом Насти, от которой пришла тонна эсэмэсок, но подпираю плечом колонну в холле. И с улыбкой наблюдаю, как кое-кто, демонстрируя рельефное напряжение в татуированных мышцах, оттаскивает цветы к стене, освобождая проход к турникетам. Так сказать, проявляю бдительность, дабы Его Величество Громов ещё чего-нибудь не сотворил. Партийное задание же!

А вообще, это какая-то подстава! Занять Марка? Серьёз-

но? Может, его ещё и на концерт сводить? Так он и без того неплохо справляется с ролью концертмейстера.

Четвёртая пара вот-вот начнётся, но в холле уже достаточно зевак, делающих селфи на необычном фоне. А мне так хочется топнуть ногой и сказать: «Кыш, это подарили мне». Но не потащу же я всю эту цветочную ораву в общагу? Поэтому было решено просто бросить в соцсети университета клич следующего содержания: «Забирай. Налетай. Халява». И с десятков букетов уже укатили в руки и в интернет-посты местных див.

– Сдаюсь, – оттащив последние цветы с прохода, Марк поднимает руки, обозначая поражение. – Я не знаю, что тебе нравится больше. А раз ты все цветы забрать не можешь, то выбери хотя бы один букет. Зря старался, что ли? – обиженно бурчит он.

Хмыкаю и задумчиво перевожу взгляд на эту пёструю выставку. Выбрать букет? А вот возьму и выберу. Я нахожу взглядом цветы, которые мне всегда нравились больше всех. И, как бы банально ни было, – это розы. Охалка тугих, нераскрывшихся, жёлтых бутонов. Да. Точно. Это они. Самые красивые и выделяющиеся из всех своих собратьев.

Поправив сумку с тетрадями, перекинутую через одно плечо, уверенно подхожу к высокой пластмассовой вазе с цветами и осторожно вытягиваю оттуда увесистый букет. В нос тут же проникает сладковато-нежный аромат. И я позволяю себе дать слабину. Улыбнувшись, закрываю глаза и при-

жимаю бутоны к лицу, делая глубокий вдох.

– Чёрт! Надо было назвать жёлтые розы, – тихий бас, пробирающий меня до мурашек, раздаётся над ухом.

Я вздрагиваю и поворачиваюсь, упираясь охапкой цветов в грудь Марка. Приподнимаю голову, и мы сталкиваемся взглядами. Жар снова прилипает к моим щекам. У меня неконтролируемо теплеет где-то под рёбрами... или где-то глубоко в животе... или даже немного ниже.

А ещё, пока играем в гляделки, я неосознанно обвожу взглядом каждую черту его лица. Смугловатая кожа, широкий подбородок с пробивающейся щетиной, резкая линия челюсти, высокие скулы, невероятно густые брови и крупные чувственные губы. Марк определённо смазлив, но как-то по-мужски. Это даже какая-то неправильная смазливость. Грубая.

– Букет помочь поддержать? Могу довезти тебя прям с ним до общаги, – Марк почти вплотную наклоняется ко мне и, касаясь горячим дыханием лица, лукаво приподнимает уголки губ.

Я медлю с ответом, потому что всё ещё вязну где-то в его глазах.

– Ах да, – сощулив взгляд, Марк неожиданно отступает, разочарованно вздыхая. – Ты же сказала, что я тебе не нравлюсь. Наверное, уже как-то некультурно навязывать своё общение. Так что... – он разводит руками, отступая ещё на шаг от меня.

Недоуменно хмрю брови. Это он сейчас к чему?

— Было приятно познакомиться, рыжая-бесстыжая, — с серьёзным лицом выдаёт Громов. — У меня четвёртая пара через пять минут. Отчаливаю зализывать сердечные раны.

Отвесив мне, всю хлопающей ресницами, учтивый поклон головой, Марк достаёт из кармана джинсов беспроводные наушники и затыкает ими уши. Подмигнув, он просто оставляет меня посреди холла с букетом жёлтых роз в руках.

И, пока я какие-то мгновения изумлённо смотрю на широкую спину в чёрной футболке, быстро удаляющуюся по лестнице вверх, холл универа уже заполняет толпа студентов.

А я всё ещё стою, крепко прижимаю несколько десятков роз к себе и не понимаю. В голове всего один вопрос: в смысле «приятно было познакомиться»?

Всё? Так просто. Одного раза прямо сказать «нет» было достаточно? Ну, хорошо...

На четвёртой паре — иностранном языке — я появляюсь всё так же с букетом в руках. И сразу же становлюсь предметом пристального внимания своих одногруппниц. Я слышу и вижу, как они перешёптываются, искоса поглядывая в мою сторону. Да и как на меня не смотреть, если цветы заняли всю площадь моего стола. Но уверена, их больше интересуют не розы, а слухи о моём общении с Марком.

И сегодня я даже рада, что мы с Настей попали в разные группы по английскому. Потому что на моём телефоне уже

лавина сообщений от неё с примерно одинаковым содержанием.

«Лика, что происходит?»

«Ты как умудрилась захомутать Громова?»

С какой-то дёргающей горечью усмехаюсь в ответ на Настины вопросы. Захомутать... Скорее это просто «было приятно познакомиться».

Мне бы надо ответить подруге, но всю пару я занята. И не тем, что внимательно слушаю лекцию препода о неправильных глаголах.

Подперев рукой подбородок, я, под глухие и неровные удары своего сердца, гипнотизирую солнечные бутоны, периодически украдкой наклоняясь к ним и вдыхая их сладкий запах.

Нет. Мне не нравится Марк Громов. Совершенно, абсолютно, точно. Он наглый, напористый и понятия не имеет, что такое личное пространство. И что с того, если Марк — это два метра косой сажени в плечах, украшенной татуировками, и бездонно чёрные глаза? Я ничего не чувствую.

Не чувствую же?

Нет?

Глава 7

Ли́ка

– Ли́ка, не тормози! Нам еще стометровку сдавать. – Настя подталкивает меня в спину.

– Угу, – бурчу ей в ответ, бросив на экран своего телефона тоскливый взгляд.

Тоскливый, потому что там пусто. Второй день ни одного входящего сообщения. Нет, они-то есть, но не от абонента с пятью восьмёрками. Марк больше не звонил, не писал. Вчера мы даже ни разу не пересеклись в универе. Не хочется признаваться, но я, так или иначе, его выглядывала: то в коридоре, то в столовке. И меня преследует какое-то чувство разочарования, что ли...

Закидываю телефон в сумку, сумку в шкафчик, хлопаю его дверцей, отряхиваю спортивную футболку и легинсы и без особого настроения топаю за Настей из раздевалки на стадион. Но стоит только ступить на его дорожку, как боковым зрением среди других парней в спортивной форме замечаю знакомую двухметровую темноволосую фигуру, резво рассекающую футбольное поле. По позвонкам моментально ползёт жар, а сердце громко ударяется о рёбра.

– А что он здесь делает? – озвучиваю вопрос быстрее, чем это успеваешь проскочить в моих мыслях.

Настя поворачивает голову туда же, куда и я.

– А. Громов... – хмыкает она. – Видимо, у его группы параллельно с нами пары по физкультуре. Сегодня здесь вообще пять групп из нашего универа занимаются.

Класс! Пытаюсь не меняться в лице и уже собираюсь вернуться, дабы не быть пойманной на излишнем внимании к его персоне, но чёрт! У Марка, наверное, срабатывает внутренняя чуйка. Притормозив, он оборачивается, моментально встречаясь со мной взглядом. Тёмные пряди дерзко взъерошены, кипенно-белые футболка и шорты идеально оттеняют мышцы смуглых ног и рук с чёрными линиями татуировок...

Хочу я этого или нет, но у меня перехватывает где-то в горле. Марк расслабленно приподнимает в приветствии уголки губ, а уже через секунду теряет ко мне всяческий интерес, с азартом переключаясь на летящий к нему мяч.

Теперь я вижу лишь быстро удаляющуюся в глубь футбольного поля широкую спину. Отвожу взгляд с чётким чувством раздражения в груди.

– Он даже не подойдёт к тебе? – с неподдельным любопытством интересуется Настя, толкая меня локтем в бок.

– А должен? – Я ускоряю шаг в сторону наших одногруппников, пытаюсь не демонстрировать своё недовольство так явно.

– Я просто думала, что после прикола с цветами у вас что-то наклёвывается. А сейчас как будто и не общаетесь...

– А мы и не общались, – фыркаю я.

Стянув с запястья резинку, завязываю ей волосы в тугой пучок на затылке. И мысленно добавляю сама себе, что, видимо, всё. Наобщались. А по-хорошему надо бы набраться наглости и попросить вернуть мои очки. Мне жутко дискомфортно в линзах.

В общем, разминку на физкультуре я начинаю с боевым настроем написать ему сегодня вечером с требованием отдать то, что он нагло конфисковал. Мне не особо льстит писать ему первой, но, по всей видимости, Марк и думать забыл о... Да вообще обо всём!

Бегаёт себе радостно по полю, пиная несчастный мяч. И пока он бегаёт, я всё равно периодически слежу за ним взглядом. Мои глаза-предатели сами то и дело цепляются за мощные плечи в белой футболке. Марка невозможно не заметить в этой хаотичной толпе бегающих парней.

Движения Громова отточены и уверенны, а за мускулистыми загорелыми ногами порой невозможно уследить. Но я всё равно как замороженная смотрю на игру Марка. Как он очень быстро и ловко перемещается по зелёному газону, то чётко пасуя, то жёстко отбивая чужие подачи. И чувствую на себе бунт тёплых мурашек, когда Громов, остановившись отдышаться, зачёсывает пальцами растрёпанные и влажные от бега пряди назад.

Мне приходится стопорить себя и буквально заставлять переводить взгляд куда-нибудь на своих одноклассников. И как можно активнее вникать в правильность выполнения

упражнений разминки перед бегом.

Тянусь вправо, влево... Медленный наклон туловища вниз до полного ощущения каждой мышцы спины... И чёрта с два! Взгляд опять липнет к белой майке, фурией двигающейся по футбольному полю.

И, видимо, не одна я внимаю каждому движению Марка. Стоит ему только остановиться у края поля, переводя дыхание, как к нему тут же подскакивает фигуристая блонди. По всей видимости, одна из его одноклассниц.

Даже издалека вижу, как она строит глазки и, о чём-то воркуя, протягивает Марку бутылку с водой. А этот... Громов... благодарит блондинку улыбкой Чеширского Кота, снова откидывая тёмные пряди со лба назад одним движением ладони.

Куда-то в солнечное сплетение мне бьёт что-то очень острое и горячее. И так ощутимо, что мои щёки мигом вспыхивают. Тряхнув головой, отворачиваюсь и продолжаю делать плавные наклоны. Только глаза уже не отвожу от шнуровки на своих кроссовках.

– Мы бежим через три человека, – пыхтит возле меня Настя, активно делая растяжку.

– Угу, – мычу ей в ответ и выпрямляюсь.

«Не смотри на поле! Не смотри!» – стучит в моей голове.

Вняв разумной просьбе внутреннего голоса, я вообще отворачиваюсь от бегающих футболистов. И, чтобы не мешать Насте, собираюсь отойти назад. Но успеваю сделать лишь

один шаг...

В меня врежется что-то огромное и в прямом смысле валит с ног. Я лечу к земле так быстро, что даже не подстраховываю себя руками. Тело за секунду пронзает боль, заставляя глаза зажмуриться, а лёгкие сжаться и путать вдох с выдохом.

Преодолевая жгучее покалывание в левой руке, я распахиваю глаза, когда слышу отборный мат. Рядом со мной, уже встав на ноги, отряхивается незнакомый мне лысый парень в яркой форме какого-то футбольного клуба. Смахнув пыльный след с шорт, он бросает на меня испепеляющий взгляд: – Ты чё, овца? Куда зад свой двигаешь?

И, пока подбежавшие к нам Настя и ещё парочка одноклассниц помогают мне подняться, я молчу, ошалело хлопая глазами. Вернувшись в вертикальное положение, несколько секунд нахожусь в шоковом ступоре, не зная, что ответить. Пока до меня не доплывает: видимо, мы столкнулись с этим лысым на одной беговой дорожке.

– Извини, видимо, я тебя не заметила, – тихо лепечу, а боль в левой руке всё нарастает

Бросив на неё взгляд, я морщусь от вида множества кровотокающих ссадин, рассыпавшихся от тыльной стороны ладони и до предплечья. На глаза уже неосознанно наворачиваются слёзы. Чёрт! Больно-то как!

– Не заметила, – мерзко передразнивает парень. – Глаза разуть забыла?

Крепко приобняв меня за талию, Настя смело и громко выпаливает:

– А ты сам куда смотрел, когда бежал?

Но у меня нет сил и желания устраивать какие-либо разборки на виду у всех, поэтому, прижав расцарапанную руку к телу, просто спокойно говорю:

– Послушай, я ведь извинилась. Я правда тебя не видела.

– Мне сказать, куда засунуть эти извинения? Или показать? – лицо лысого искажает нездоровый оскал.

– Мне покажи, – знакомый до мурашек стальной бас вливается в наш разговор.

Я вздрагиваю, на секунду снова забыв, как дышать, а ладонь Насти сильнее вдавливается в мою поясницу. Да и вообще все наблюдающие за нами выжидающе замирают. Только не это лысое хамло, из-за спины которого скалой выплывает Марк. Он лишь ещё сильнее кривит лицо и оборачивается.

– Тебя забыли спросить.

Громов смеряет его ответным взглядом, достойным пугающего места, а потом встречается глазами и со мной. В тёмных радужках тут же вспыхивает тревога, стоит ему заметить мои ссадины на руке.

– Лица, что случилось? – натянуто интересуется он, сводя широкие брови к переносице.

Проглотив волну нервного трепета, я несмело подаю голос:

– Марк, всё нормально. Просто...

– Просто конопатая корова по сторонам не смотрит, – выплёвывает мой лысый знакомый.

– Эй! За языком следи, – Марк хватает его за ворот футболки, а свой низкий голос переводит на угрожающий рык.

– Охренел? – Дёрнувшись от рук Громова, парень приосаивается и становится практически вплотную к нему.

И Марк делает то же самое: расправляет плечи и вскидывает подбородок, пугающе сверкая глазами.

Вид двух расхорохорившихся парней примерно одной физической формы и комплекции, застывших в весьма ощутимом напряжении друг напротив друга, быстро приводит меня в чувство. О нет. Только бы без драк! Мигом забыв о ноющих ссадинах, освобождаюсь от рук Насти и делаю уверенный шаг вперёд:

– Ма-арк... – осторожно начинаю я.

Но меня никто и не думает слушать. По лицам обоих уже пляшут желваки.

– Эта рыжая овца – твоя тёлка, что ли, что ты впрягаешься?

– Её зовут Лика. Так что будь добр, извинись за оскорбления.

– Да мне глубоко фиолетово, – шипит лысый. – Я вас обоих могу послать по трём буквам.

– Ну давай. Рискни, – с вызывающей усмешкой цедит Марк.

– Пошёл на...

Но парень договорить не успевает.

И в эту секунду мне кажется, что весь стадион задержал дыхание и замер, наблюдая, как кулак Марка с размаху впечатывается в челюсть его лысого собеседника.

Глава 8

Лица

– Громов, ты издеваешься надо мной? – кулак ректора с размаху приземляется на стол, а стоящие на нём какие-то железные кубки и статуэтки подпрыгивают с жалобным звуком.

И я подпрыгиваю одновременно с ними. Да. Мы опять в кабинете у Павла Петровича. Стоим перед его столом по стойке смирно. И да... опять вдвоём.

Я как непосредственный свидетель драки, а Марк – как активный участник. Третьего экземпляра потасовки привлечь сюда не удалось. Парень оказался вообще не из нашего университета. Но это никак не помешало Марку хорошенько отриховать его лицо. Правда, Громову тоже досталось. Тот лысый придурок оказался не робкого десятка.

Украдкой бросаю взгляд на своего защитника, который, сунув руки в карманы спортивных шорт, стоит, монументально расправив плечи, и смотрит куда-то поверх головы ректора. Выразительная линия скул на лице Марка подчёркнута не только внутренним напряжением, но и парочкой ссадин. Да и без того чувственно крупные губы теперь немного оттюнингованы лёгкой припухлостью.

От одного вида такого серьёзного и хмурого Марка с боевыми ранениями у меня тянет под рёбрами. Я не ожидала...

Он возник там как чёрт из табакерки. Я искренне думала: Громову всё, что связано со мной, уже неинтересно.

Но слишком много энтузиазма было в чётких ударах Марка по лицу противника. И настолько много, что его и того придурка с трудом разняли два накачанных физрука.

– Громов, да когда же ты уже выпустишься отсюда, а? – продолжает ректор, с отчаянием повышая голос. – Ты можешь не быть главным героем всех криминальных новостей нашего универа? Ты – корень всех проблем! То цветочный рынок разводишь, то пожарная сигнализация срабатывает, потому что кое-кто курит в мужском туалете...

– Я не курю. И не пью. ЗОЖ, Павел Петрович. Слышали о таком? – хмыкает Марк, с раздражением закатывая глаза.

Я вовсю маякую взглядом Громову, чтобы он был как-то повежливее и без намёка на дерзость. Неизвестно, чем теперь закончится его выходка на стадионе. Но Марк лишь ослабленно подмигивает мне, типа: «Ваше не парься, детка».

Ага, ну конечно. Не волнуйся. На лбу у ректора уже проступает испарина, а щёки пугающе краснеют.

– А кулаками размахивать где ни попадя – это тоже ЗОЖ?

– Вообще-то, Марк заступился за меня, – осторожно встреваю я в разговор.

Делаю небольшой шаг вправо и слегка прикрываю Громова от гневного взора ректора. И это получается как-то само собой... бессознательно.

– Лика, не лезь, – шепчет за моей спиной Марк. И мы сто-

им так близко, что его строгий выдох расстилается мурашками в моих волосах. – Молчи.

А меня уже распирает от переполняющих эмоций. И от этого даже стирается ощущение боли в расцарапанной руке. Смело смотрю на ректора, вскинув подбородок:

– Тот придурок был готов и на меня броситься, хотя я извинилась за свою невнимательность. А в ответ посыпались оскорбления и...

Но Павел Петрович заставляет замолчать одним взмахом руки, возмущённо уставившись на Марка позади меня.

– Нет, ты посмотри, Громов, какой у тебя здесь адвокат нарисовался. Ну чудо просто!

– Ещё какое чудо, – легко подтверждает Марк. – Рыжее чудо, – добавляет он так тихо, что мне едва удаётся расслышать это.

И по тёплой интонации его голоса даже затылком ощущаю, что в этот момент он улыбается. А через секунду кровь в моих венах заполняет жар. Пальцы Марка касаются моего запястья и выводят незамысловатый узор на внутренней стороне ладони. Так бережно и мягко... Всего лишь мимолётное прикосновение тёплых мужских пальцев, а меня уже здесь нет. Я падаю куда-то в жерло вулкана.

Хочется обернуться, но делаю лишь осторожный, едва заметный поворот головы к плечу. Но и этого достаточно, чтобы краем зрения заметить, что Марк гипнотизирует меня взглядом, приподняв уголки своих губ.

Мамочки, мне бы дополнительный глоток кислорода сейчас, потому что я где-то на грани обморока.

– Громов! – возглас ректора быстро возвращает в реальность.

Мы с Марком одновременно отшатываемся друг от друга, и я больше не чувствую горячих узоров на своей ладони.

– Совесть имей! – продолжает Павел Петрович, сотрясая воздух. – В гляделки он играет, Рэмбо. В общем, выговора в личное дело тебе не избежать. И отца оповестим. А ты, Соболевская, – он стреляет взглядом в меня, заставляя виновато опустить голову. Хотя я-то тут при чём? – Ещё раз будешь поймана с Громовым на какой-нибудь его выходке, и тебе выговор накатаем.

Я согласно и очень активно киваю, лишь бы поскорее покинуть этот кабинет. Одарив ещё парочкой угроз по поводу вызова на воспитательные комиссии и минусовки баллов из общего рейтинга, нас наконец-таки отпускают.

Выйдя из кабинета ректора, я и Марк почему-то застываем у его дверей. Сейчас самый разгар пары, и длинный коридор погружён в тишину. И мы оба зависаем в ней, стоя друг напротив друга.

Несколько секунд просто молчим, а между нами вьётся весьма ощутимое напряжение. Облизав губы, я робко поднимаю взгляд на Марка, встречаясь с той самой бездонной темнотой в его глазах. Во мне эмоций через край.

Даже не успев подумать, позволяю себе поддаться како-

му-то внутреннему, стихийному порыву. Сделав шаг к Марку, я осторожно обхватываю ладонями его лицо. И, поднявшись на носочки, просто мягко касаюсь губами его щеки, украшенной мелкими ссадинами, прошептав:

– Спасибо.

Аромат дорогого парфюма, смешанный с терпким запахом мужского тела бьёт в самый низ моего живота, рассыпаясь там электрическими разрядами. И только тогда до меня доходит: я, кажется, перегнула с эмоциональностью. Потому что чётко чувствую, как Марк ошарашенно выдыхает у моего лица:

– Да не за что.

Испугавшись своего же прорыва, отшатываюсь от Громова, подумывая, что неплохо бы сейчас провалиться куда-нибудь на этаж ниже. Моё сердце брыкается в груди, пока внутренний голос вопит, что я немного «ку-ку».

Нервно прочищаю горло и запрокидываю за уши распутившиеся пряди. Боже, как неловко.

– Вообще, конечно, ты не должен был... – начинаю мямлить я, чтобы не затягивать молчаливую паузу между нами.

– Должен. Это даже не обсуждается, – не задумавшись, чеканит Громов.

– Но у тебя теперь могут быть проблемы.

– У меня есть только одна проблема, – вздохнув, Марк проводит длинными пальцами по растрёпанным волосам, укладывая их ото лба назад. – Девушка, что не выходит из

моей головы, устроила мне отворот-поворот.

Я едва не нарушаю тишину коридора предательским возгласом, что такого не было! Но вовремя прикусываю язык. И так уже отличилась со своими необдуманными порывами.

Не выхожу из его головы, значит? Отвожу взгляд от чёрных глаз, сделав вид, что схема пожарного выхода на противоположной стене за плечом Марка невероятно интересна.

– Так может, ты неправильно всё понял? – равнодушно бросаю я.

– То есть если я наберусь наглости и напишу сообщение, что заеду за ней завтра вечером и тем самым приглашу на свидание, то не буду послан?

– Попробуй, – пожимаю плечами, когда на языке вертится: «Уверена».

И я всё ещё «рассматриваю» план эвакуации с сердцем-юлой в груди, потому что готовлюсь к усмешке Громова на этот разыгранный мини-спектакль.

– Тогда я буду ждать от неё ответа, – но голос Марка непривычно серьёзен. – А ты, Лика, постарайся не нарваться больше на всяких уродов. Меня может не оказаться рядом в нужный момент. Договорились?

Всё-таки, опять повернувшись к Громову, вижу, что эта просьба не издёвка или шутка. Он смотрит на меня с открытым беспокойством. Что я могу ему ответить? Что я внезапно стала не против, чтобы Громов маячил где-то рядом? Да это уже и так сияет на моём лбу.

Я согласно киваю, растерянно хлопая ресницами. Не говоря больше и слова, Марк, испытываяще смотря на меня упор, прячет разбитые костяшки пальцев в карманах шорт. Сделав пару шагов спиной назад, он разворачивается и уже через несколько секунд исчезает за ближайшим поворотом коридора.

Стоит ли говорить, что, когда я спустилась к Насте, ждущей в холле с моими вещами, я первым делом ринулась искать в сумке телефон, пока на меня сыпался миллион вопросов о произошедшем? И глупая предательская улыбка прилипла к моим губам, когда я увидела на экране значок непрочитанного сообщения.

Номер с пятью восьмёрками: *«Ничего не знаю. Завтра в шесть вечера заеду за тобой в общагу»*.

Глава 9

Марк

– Твою же...

Я шумно втягиваю воздух через зубы, когда прохладная вода касается ран на лице. Приходится терпеть противное жжение на коже, стиснув челюсть. Проведя мокрыми пальцами по волосам и зачесав их назад, выпрямляюсь над раковиной, встречаясь с собственным отражением в зеркале.

Да уж. Некритично, но уже прям красавчик с боевыми шрамами: небольшое рассечение над бровью, парочка ссадин на лице и немного ноет нижняя губа.

И пока под краном шумит вода, криво усмехаюсь самому себе. Интересно, мне найти со своими пацанами того конченного и добить где-нибудь в лесу или сказать ему спасибо?

Откуда эта тварь взялась на стадионе в тот момент, понятия не имею. Но тварь он однозначно. Девчонка была жутко напугана, а вот я получился крут. Хотя и не планировал красить себе лицо. На хрен оно мне надо было? Ради секса? Я и без этого имел отличный план. Лица всю пару глаз с меня не сводила, но тот тип... Смешал мне все карты, но в очень удачный расклад.

Я вообще не ввязываюсь в подобные потасовки, но эта рыжая... Чёрт! Что-то толкнуло. Грёбаная жалость? А как её не жалеть? Лица даже пахнет беззащитностью и невинностью.

Потерев щёку, одаренную её милейшим поцелуем, давлЮ улыбку своему отражению. А в груди теплеет. То-то же! Награда нашла своего героя. Только мало мне... Ма-ло. Хочу ещё. Хочу, чтобы она так жадно и смотрела на меня дальше, распахнув свои глаза-аквамарины, но уже подо мной.

Лику хочу. Торкает меня от неё, а сегодня прям до какого-то нетерпимого животного чувства в животе, когда увидел её беспомощно стоящую перед тем уродом.

И чего Поляк фыркает на рыжую? Не ему же разворачивать фантик у этой конфеты.

– И что ты в ней нашёл, Марк? – знакомый елеиный голосок за спиной заставляет вздрогнуть.

Но поворачиваться не приходится. В отражении позади себя и так вижу знакомые черты. Тяжёлая россыпь смоляных волос, обрамляющих кукольное личико: идеальные чёрные брови, подведённые стрелками глаза и изумительно прокачанные алые губы. И, конечно, неизменно тяжёлый аромат дорогих «Гуччи».

Карина. Мы когда-то часто и долго любили друг друга голыми.

– И тебе привет, – хмыкаю я. Выключив воду, тянусь к автомату с бумажными полотенцами у зеркала. – Какими судьбами? Ты же вроде выпустилась в прошлом году?

– Предки заставили магистратуру покорять, – сдув невидимые пылинки с вызывающе красной футболки, Карина кривится и подпирает плечом белоснежный кафель. – Поляк

сегодня тоже здесь. Пытаемся тебе дозвониться, и не алё. А потом узнаём вот новости... – она прожигает взглядом моё лицо.

Продолжая смотреть на Кару в зеркале, осторожно вытираю свой фейс салфетками:

– Собираешь информацию по сплетням?

– Да весь универ гудит, что сам Громов полез в драку. И за кого? – в глазах Карины мелькает что-то похожее на отвращение.

– За кого? – ехидно передразниваю её и, скомкав бумажное полотенце, бросаю в урну под раковиной.

Тишину маленькой мужской уборной для преподавателей оглушает цокот шпилек, а через секунду меня резко разворачивают, дёргая за плечо.

– Зачем тебе она? – напряжённое лицо Карины оказывается прямо перед моим.

Я невольно отмечаю, что с ней не надо наклонять голову и смотреть сверху вниз, как с Ликой, макушка которой едва достаёт мне до подбородка. А Кара плюс шпильки – и мы почти одного роста. И как-то это уже неприкормно...

– Кто? – решаю косить под дурачка, «удивлённо» приподняв брови.

– Рыжая. Марик, я видела тебя с ней сейчас в коридоре, – резко выплёвывает Кара.

И по её ядовитому тону понимаю: оу, кого-то ведёт от ревности. Но я просто пожимаю плечами, спокойно выдав:

– Хочу.

Тонкий длинный носик Карины недовольно дёргается, а дыхание открыто демонстрирует её нервозность. Всё, сейчас будет сцена, достойная Оскара! Карина это умеет, особенно когда забывает, что я никогда ей ничего не обещал.

Но неожиданно она затухает. Просто не отрываясь смотрит мне в глаза, а её ладонь с длинными ноготками осторожно ложится мне на грудь.

– Марк, я скучаю по тебе. Очень, – сдавленно шепчет Карина.

Я напрягаюсь. А вот это что-то новенькое. Где крики и вопли-то?

Изумлённо пялюсь на Кару, которая делает ещё один крохотный шаг ко мне. Видимо, заметив моё замешательство, она решает идти ва-банк.

– Я с ума весь год сходила. Ждала тебя, – её губы касаются моего подбородка и плавно опускаются к шее, оставляя на ней горячие следы поцелуев. – Ну что мне ещё сделать? Почему ты не можешь хотеть меня?

Чёрт... Сдержанно перевожу дыхание, потому что тело сдавливают тёплые спазмы, направляя всю кровь в самый низ моего живота.

Руки Карины плавно скользят по моим плечам, груди и медленно, но верно опускаются туда, где моё либидо кричит, что оно уже неделю без женских ласк. А это овердофига.

– Что? Прямо в преподавательском туалете? – усмехаюсь я

и провожу ладонью по изгибу бедра Кары, обтянутому плотной джинсой.

– А когда это тебя смущало? Ты же знаешь и, надеюсь, помнишь, что я могу? И дверь закрыта на щеколду.

Я не сдерживаю стон, когда её зубки слегка впиваются мне в шею с одновременным сжатием ловких пальчиков на моём самом чувствительно-впечатлительном месте. В крови бунтует одно-единственное желание. Затащить Карину в кабинку и опустить перед собой на колени. Потому что я знаю, чем хочу занять её накачанный гиалуронкой рот.

Но вот на щеке всё ещё горит поцелуй Лики... Чёрт! Нельзя! Самый лучший хищник – это голодный хищник. Через силу отстраняюсь от Карины, убирая её руки от себя. Да и своими стараюсь больше ни к чему не прикасаться. От греха подальше.

– Карина, стопэ, – грублю и делаю это намеренно.

– Марик... – в голосе Кары чуть ли не мольба, а в растерянном взгляде сквозит отчаяние.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Стоит ли сейчас отвлекаться на кого-то ещё, кроме Соболевской? И неожиданно понимаю, что тяжёлая вуаль духов Карины как-то... душит. Морщусь и выдыхаю её, распахнув глаза.

– Не Марик, Кара. Тебе я больше не Марик.

Натянуто улыбнувшись, оставляю Карину в гордом одиночестве посреди мужского туалета. А потом улыбаюсь уже победно и по-настоящему, когда достаю из кармана шорт те-

лефон с ещё непрочитанным сообщением.

Рыжик: *«Завтра в семь. Мне в шесть неудобно».*

Глава 10

Ли́ка

«Я тебя жду»

Прочитав сообщение, печатаю равнодушное: «Ок». А сама нервно поправляю поясok на своём платье. Быть порядочно опаздывающей на свидание девушкой у меня не вышло. Лёгкие локоны как-то без проблем собрались в небрежный хвост на одну сторону, а тёмно-зелёное платье миди очень быстро отгладилось и наделось. Готова я была ещё минут двадцать назад, поэтому всё это время топчусь в холле общежития под подозрительным взглядом консьержки бабы Нюры.

Кусая губы, бросаю взгляд на экран телефона.

19:03

Рано. Мне нужно ещё несколько минут для того, чтобы опоздать, хотя уже с трудом удаётся удерживать себя на месте.

Но в 19:06 моё нервное томление всё-таки подталкивает переступить порог общаги. Этот лёгкий трепет перерастает в нечто, что перебивает дыхание, когда на парковке замечаю чёрный внедорожник.

И Марка, вальяжно подпирающего его капот, широко расставив ноги и спрятав ладони в карманах чёрных джинсов. И эта серая футболка поло... Боже... Зачем она так идеально обтягивает крепкий торс и подчёркивает смуглую кожу с

татуировками на руках?

Мне теперь куда деть этот скручивающийся тёплый узел в животе? Я и так весь прошлый вечер и сегодняшний день слишком часто ловила себя на этом ощущении. А после нашей очередной ночной переписки оно вообще отказывается покидать моё тело.

Заметив меня, Марк отрывается от машины и делает шаг навстречу. Мы останавливаемся друг напротив друга и замираем в какой-то неловкости. Словно оба мешкаем, решая, будет ли достаточно простого «привет»? Или можно позволить себе что-то ещё? Вежливое рукопожатие или даже невинный поцелуй в щёку, например?

Но Марк решает всё одной расслабленной улыбкой и горящим взглядом, пуская ими поток жарких мурашек:

– Привет. Ты шикарна.

– Спасибо, – с маковыми щеками улыбаюсь в ответ и сжимаю пальцами маленькую сумочку, болтающуюся у меня на плече. – Я не сильно опоздала?

– Нет, но времени до полных сумерек у нас не так много.

– Сумерек? – я озадаченно прищуриваюсь.

Марк, загадочно сверкнув глазами, уже галантно открывает мне пассажирскую дверь:

– Садись в машину, скоро всё узнаешь.

Не сводя взгляда с таинственного выражения лица Громова, я послушно усаживаюсь на переднее сиденье. Запах натуральной кожи и аромат парфюма Марка, витающие в са-

лоне авто, – и моё сознание летит по виражам.

– Всё нормально? – сев в машину, Марк бросает на меня настороженный взгляд.

Уверенно киваю болванчиком, не забыв похлопать ресницами. Конечно, не нормально... Последние несколько дней я вообще не чувствую себя нормальной. Рассеянная и со странным пульсирующим чувством в груди.

– Отлично, тогда поехали. – Громов заводит машину и переключается на происходящее перед её капотом.

Но, как только его руки ложатся на руль, я напрягаюсь. Замечаю на его широких ладонях множество свежих ссадин. Костяшки длинных пальцев, сжимающих руль, просто усыпаны ими. Вчера этого не было. Я точно помню. Да и отметины на лице Громова уже практически не видны, но вот руки...

– Марк, а что это?

– Где? – отвлёкшись от дороги, он удивленно осматривается по сторонам, а потом поворачивается и ко мне.

Молча впиваюсь взглядом в его разбитые костяшки правой ладони.

– А. Это? – хмыкает Громов, перебрав пальцами по рулю. – Это торжество справедливости.

– В смысле? – Взволнованно выпрямляюсь на сиденье. – Ты опять с кем-то подрался?

– Да всё с тем же, – легко отмахивается этим ответом Марк.

Пару секунд задумчиво туплю, вникая в смысл сказанной фразы. А потом догадка бьёт меня по голове:

– Зачем, Марк?! – не сдерживаю негодование и испуг. – Тебе мало выговора и проблем?

– Лика, не кипишуй так.

– А если бы с тобой что-то случилось?! А если бы он...

Я причитаю без остановки, потому что в моей голове уже развернулся целый боевик. И это жутко.

– Ничего бы не случилось. Мы с пацанами нашли его и просто поговорили, – расслабленно смеётся Марк, откидываясь спиной на сиденье и продолжая следить за дорогой. – Но мне приятно, что ты переживаешь за меня.

Осуждающе смотрю на выточенный грубоватыми линиями профиль Громова.

– Ну и зачем ты это сделал?

– Затем, что никому не позволю тебя обидеть. Ясно, Рыжик? – заявляет он.

И это звучит так твёрдо и непоколебимо, что я мгновенно тушуюсь и прячу свой взгляд в колени. Рыжик. Вообще, я не люблю это прозвище, но тёплая хрипотца его голоса... Рыжик...

– Он хоть живой? – бурчу Марку, монотонно царапая ноготком ткань платья.

– Конечно, – фыркает Громов. – Просто пару раз придётся сходить к стоматологу.

– Не делай так больше. Всё можно решить словами.

– Лика, какая же ты у меня маленькая и наивная, – слышу в интонации Марка неприкрытую иронию.

Я тут же теряю интерес к своим коленям. Повернувшись к водителю, возмущенно восклицаю, ещё и инстинктивно приотпнув ногой:

– Я не маленькая!

И ещё хочется добавить, что «и не у тебя», но почему-то легко проглатываю эту ремарку.

От моего возгласа улыбка, играющая на лице Марка, становится ещё шире.

– Не маленькая, – без ехидства передразнивает он и, повернув голову всего на секунду, игриво ведёт широкими бровями. – Посмотрим, насколько не маленькая окажется не трусихой. Мы почти приехали.

И только сейчас я наконец замечаю, что мы успели выехать куда-то в район промзоны. В сгущающихся сумерках за окнами машины с одной стороны виднеются огромные здания, очень смахивающие на какие-то склады, с другой – длинная ровная заасфальтированная полоса дороги.

– Мы где? – Я с волнением ёрзаю на сиденье, осматривая незнакомые пейзажи за окном.

Но Громов как будто внезапно оглох. Он возвращает всё внимание дороге и держит таинственное молчание, пока автомобиль уверенно петляет между постройками. Собираюсь ещё раз более настойчиво задать свой вопрос, но он так и зависает в воздухе. Ответ, где мы и зачем здесь, приходит

сам собой, стоит машине остановиться за углом одного из складов.

Потому что я понимаю. Это не склады. Это ангара, а автомобиль Марка притормозил чётко у того из них, из-за распахнутых ворот которого выглядывают лопасти пропеллера.

– Нет, нет, нет... – от увиденного и понятого испуганно распахиваю глаза, уставившись на Громова.

Который спокойно глушит мотор и, не глядя на меня, выскальзывает из машины. Широкими уверенными шагами обходит её впереди. Но, открыв мне дверь, Марк тут же получает моё однозначное:

– Нет! Ты с ума сошёл?

– Лика-а, – мягко тянет он.

Положив одну руку на распахнутую дверь, а другую – на крышу авто, слегка наклоняется и заглядывает в салон, где я уже категорично мотаю головой.

– Я не выйду.

Одна лишь крупница мысли, что мне нужно сесть вот в эту штуку с пропеллером, которая отрывается от земли, нагоняет такую панику, что жизнь уже готова пронестись перед глазами.

– Почему? – Марк складывает губы бантиком.

– Потому что о таком надо предупреждать! – выпаливаю я, сердито смотря в невероятно спокойные бездонно чёрные глаза.

– Разве о сюрпризах предупреждают? Я же не мог позвать

тебя в банальный ресторан.

– Да лучше бы был ресторан, – нервно усмехаюсь, но тут же прикусываю язык.

Блин. Хоть бы не обиделся. Но я ведь, правда, очень и очень...

– Сильно боишься? – Марк правильно заканчивает мою мысль быстрее, чем я успеваю подумать об этом.

Всё так же излучая монументальное спокойствие, он плавно присаживается прямо передо мной, опершись на носки кроссовок. Его внимательный взгляд изучающе скользит по моему лицу.

– Просто никогда не поднималась выше пятого этажа, поэтому да. Боюсь, – честно признаюсь я, отчаянно кивая.

– Я бы никогда не стал предлагать тебе что-то, в чём не уверен сам. Но здесь работают профессионалы своего дела. И тебе разве не хочется посмотреть на город с высоты птичьего полёта на закате? – Марк с надеждой в голосе заглядывает в мои глаза.

– Я правда очень боюсь, – произношу одними губами.

Улыбнувшись, он расстроено вздыхает. Продолжая сидеть на носках своих кроссов, задумчиво отводит взгляд куда-то за мою спину. Несколько секунд молчит, а я напряжённо наблюдаю за его реакцией. Ну ведь обижаться на это как-то неправильно.

– Слушай, насильно я тебя туда не потяну и не обижусь, если откажешься, уже точно, – Марк снова поднимает на ме-

ня взгляд.

Искренне тёплый и пронзительный. А меня опять прошибает оторопь оттого, как в очередной раз он считывает всё, что в моих мыслях. Как так?

Неожиданно его ладонь тянется к моему лицу. Марк аккуратно проводит шершавыми костяшками пальцев по скуле вниз, а моё дыхание тормозится где-то на полувдохе. Я замираю под натиском взгляда невероятно гипнотизирующих глаз. Разум отчаянно кричит: «Лика, ты боишься высоты!» – а вот сердце тут же глушит это громкими ударами.

– Но я осмелюсь попросить тебя лишь об одном. О доверии, – продолжает Марк. Убрав ладонь от моего лица, он раскрывает её передо мной, словно предлагая коснуться. – Ну же, Рыжик, соглашайся, – его хриплый шёпот горячо вонзается мне под рёбра. – Доверься мне. Сможешь?

Глава 11

Ли́ка

Какого-то получаса мне хватило, чтобы стать одним взрывом эмоций. Ещё никогда... никогда в жизни я не ощущала ничего подобного. Это что-то большее, чем просто адреналин. Я забывала, как дышать, двигаться и говорить. Смотрела в окошко маленького легкомоторного самолета на сотни огней города, заворожённо распахнув глаза, стараясь даже не моргать. Ловила и впитывала в себя каждое мгновение.

Ведь стоило только взлететь, как большая горячая лапа Марка осторожно накрыла мою вмиг заледеневшую ладонь. Без лишних слов он уверенно переплёл наши пальцы и не отпускал их всё время полёта. Иногда он осторожно укладывал свой подбородок мне на плечо, щекоча дыханием.

Я позволила себе погрузиться в тепло от прикосновений рядом сидящего Марка. И порой даже не понимала, отчего тяжелеет моё сердцебиение больше: от ощущения, что Громов буквально окутывал меня спокойствием, пропитывая до молекул чувством полной безопасности в его руках, или от осознания, что под нами пустота минимум метров в двести.

Но я ни на секунду не пожалела, что вложила свою ладонь в ладонь Марка.

И поэтому, едва выйдя из самолета и коснувшись ногами земли, срываюсь просто в неконтролируемый визг:

– Это невероятно! Я... Боже, Марк, спасибо! – верчусь как юла на месте, широко разведя руки и запрокинув голову к темнеющему небу, все ещё не веря, что несколько минут назад была там.

Выдыхаю поток сумасшедших эмоций, пытаюсь прийти в себя, но ничего не выходит. Особенно когда встречаюсь взглядом с Марком, который уже подпирает спиной дверь своей машины. Он жжёт меня глазами, а я... Я просто подлетаю к нему и, не раздумывая, обхватываю его торс руками, крепко скрещивая их за широкой спиной. Прижимаюсь к груди Марка и шепчу на одном трепещущем порыве:

– Спасибо... спасибо... спасибо.

Вдыхаю аромат терпкого цитруса, исходящий от футболки. Он одуряющий. Марк пахнет так, что начинает сносить голову. А ещё я слышу глубокие и ровные удары его сердца. И оно, наверное, у Марка невероятно огромное, если он так легко смог подарить мне самые яркие и пронзительные ощущения за все мои восемнадцать лет.

– Не за что... – чувствую, как он улыбается мне в макушку, а его ладонь мягко опускается на мою талию. – Ли-ка... – очень бережно тянет Громы.

Приподнимаю голову в ответ на своё имя и смотрю снизу вверх на Марка. На выразительные скулы, губы с едва приподнятыми уголками и залипаю в темноте его глаз и дыхания, касающемся моего лица.

Я плыву от этого момента близости. Плыву от тёплых тя-

нущих ощущений внизу живота, особенно когда Марк сильнее прижимает меня к себе. Яркое чувство, что я такая маленькая и незащищенная рядом с ним, становится невыносимо острым. И мне очень нравится быть такой с ним.

– Поехали? – расслабленно смеётся Марк.

– Куда?

– А куда бы ты хотела?

Чудом успеваю придержать на языке: «Если с тобой, то куда угодно», – поэтому лишь пожимаю плечами и в шутку ляпаю первое, что приходит в голову:

– Не знаю. На море.

Но Марк на секунду задумчиво сводит брови к переносице, а потом его лицо озаряется улыбкой. И вопросительно хмуриться приходится уже мне. Он же не всерьёз воспринял мои слова?

– Твое желание для меня закон, – Марк ласково взъерошивает мои волосы ладонью. – Поехали, Рыжик.

Сегодня Марк решил, что выбить почву у меня из-под ног в прямом смысле этого слова недостаточно. Теперь у моих ног плескались и волны. И это тоже в прямом смысле. Всего сорок минут езды от города, и машина Громова с выключенными фарами притормозила на незнакомой мне холмистой местности. Когда я вышла из авто, мне было достаточно сделать пару шагов, чтобы сообразить, что передо мной обрыв.

И сейчас я стою у его края в полном изумлении, слушая

шелест воды где-то внизу. Уже опустилась ночь, и нас окружает темнота, лишь на горизонте видны слабые огоньки. Я даже не понимаю, где мы и куда приехали, но отчётливо чувствую на своих волосах влажный ветер и слышу глухой шум волн.

– Это, конечно, не море... – произносит Марк за моей спиной, – а так... залив, но можно включить фантазию.

– А если бы я сказала, что хочу на Луну? – с трепетом и ошарашенно смотрю вперёд, обхватывая себя руками.

Мои глаза, привыкшие к темноте, вылавливают очертания линии горизонта и тянущуюся к ней слабо бликующую водную гладь. С ума сойти. Это ведь и правда выглядит словно море.

– Тогда звонил бы в НАСА, – вполне серьёзно заявляет Марк.

Чувствую затылком, что он сократил между нами расстояние до неприличного. Ещё не касается меня, но исходящее от него тепло пробивает все жалкие сантиметры между нами, сковывая и подчиняя. И я предательски дрожу...

– Твоё клцанье зубов слышно по всей округе. Иди ко мне, – тихо усмехается Марк, а его ладони ложатся на мой живот.

Я легко оказываюсь притянута к груди Громова. Каменной и горячей. Прильнув к моей макушке подбородком, Марк сильнее сжимает меня в своих объятиях, а я закрываю глаза и податливо растворяюсь в них. В его руках по-друго-

му не получается.

– Tu sens la fraise. Je veux t'embrasser*, – шепчет Марк, ведя носом по моим волосам.

Его сиплый выдох тёплой тяжестью отзывается где-то внизу моего живота. Не понимаю ни единого слова, но моему телу это не мешает слишком остро реагировать на голос Марка. Он растекается внутри меня лавой. Горит и заставляет гореть самой.

– Я не знаю французского, – шепчу в ответ и вжимаюсь в его руки всё сильнее.

Проведя ладонью по изгибу моей талии, Марк разворачивает меня к себе. И сердцу в груди уже тесно, когда он пальцами приподнимает моё лицо за подбородок, заставляя открыть глаза.

Взгляд Марка полыхает из-под полуопущенных, непростоительно длинных ресниц. Он облизывает свои губы и мучительно гипнотизирует мои, проводя по их контуру большим пальцем.

– Не надо знать, надо чувствовать...

Я делаю лишь один вдох, а выдох превращается уже в тихий стон, потому что Марк накрывает мои губы поцелуем. Влажным. Горячим. Глубоким. И я не хочу ему сопротивляться. Не могу. Я обвиваю его шею, тянусь на носочках и позволяю ворваться настойчивому языку в мой рот. И позволяю запечатлеться вкусу и запаху Марка в каждом миллиметре моего сознания.

Я сдаюсь без боя волнам дрожи и непонятному, крышесносному чувству, пульсирующему внутри меня.

Да и сопротивлялась ли я Громову вообще?

В общагу Марк привозит меня за пару минут до её закрытия. И мы честно пытаемся добраться до её дверей как можно быстрее, но целоваться и бежать одновременно...

– Марк, всё. Пусти, – смеюсь, уворачиваясь от тысячного поцелуя.

– Не могу. Ещё хочу... ещё и ещё... – Он прижимает меня к себе, делая жадный шумный вдох у моего виска.

– Меня сейчас не пустят.

– Значит, будешь ночевать со мной, – хрипло выдыхает Марк мне в ухо.

– Громов! – фыркаю с шутливым недовольством и с мольбой смотрю в чёрный омут его глаз. – Отпускай меня...

Хотя не хочу этого сама. Мне бы ещё совсем немного его рядом.

Поджав губы и с кислым выражением лица, Марк выпускает меня из объятий. Как истинный джентльмен открывает и придерживает мне дверь.

– До завтра, – тоскливо бурчит он.

Не удержавшись, снова встаю на носочки, дарю быстрый поцелуй его губам и заставляю себя проскользнуть в открытую дверь. Прикладываю пропуск к турникетам, кивком здороваюсь с консьержкой и на плохо слушающихся ногах пре-

одолеваю парочку ступеней к лифту.

– Лика! – громкий бас врывается в тишину холла общаги.

Не могу удержаться от улыбки и бешеного пульса, когда оборачиваюсь. Темноволосая голова Марка выглядывает из-за приоткрытой двери. А уже через секунду он появляется там весь.

И я будто замороженная смотрю на то, как двухметровый Громов вихрем влетает в общагу и, опершись одной рукой о турникет, легко перепрыгивает его.

Ещё парочка шагов, и Марк рывком за талию притягивает к себе. А потом с горящими глазами снова вливается в мои губы поцелуем.

Яростнее и жёстче, чем это было всего несколько минут назад. Вдавливает в своё крепкое тело, которое ясно демонстрирует, куда хлынуло всё напряжение в нём. У меня подкашиваются ноги... Для меня это перебор. Слишком. Но, пока его нетерпеливые губы терзают мои, низ живота ноет так, что я не понимаю, как вообще можно унять это чувство?

– Да что ж вы творите! Я милицию вызову сейчас, – слышится скрипучий голос бабы Нюры из её каморки.

Дрожащими руками отталкиваю Марка и умоляюще качаю головой:

– Уходи.

В глазах Марка дико расширены зрачки, а его грудь неровно вздымается. Грубо потерев лицо ладонями, он запускает пальцы в волосы и с тягучим выдохом лохматит их. И моё

сердце дёргается вниз. Передо мной взъерошенный, с напряжёнными скулами и с жутко потерянным взглядом Громов.

Не говоря ни слова, он покидает пределы общаги по той же схеме. В холле остаемся я, моё грохочущее сердцебиение и любопытный нос бабы Нюры, выглядывающий из окошка комендантской.

В комнату возвращаюсь уже не я. Точнее я, но с ощущением, что внутри меня перевернули мир.

Стоит мне только закрыть дверь, как одновременно включаются два ночника: Настин и ещё одной нашей соседки – Веры. Две пары глаз светятся в полумраке комнаты, наблюдая, как я медленно прохожу к своей кровати и осторожно опускаюсь на её край. Боюсь даже дышать. А вдруг одного вдоха, движения будет достаточно, чтобы разрушить это парящее ощущение счастья внутри меня?

– Ну? Как? – Вера нетерпеливо ёрзает на подушке.

Я лишь прячу своё лицо в ладони. Мои губы горят до сих пор...

– У-у-у. Ясно, – слышу вздох Насти. – Кажется, кто-то влюбился.

*прим. автора: *Ты пахнешь клубникой. Я хочу тебя поцеловать.*

Глава 12

Ли́ка

Протискиваюсь через студентов, снующих туда-сюда по коридору, с надеждой, что за перемену успею добраться и до столовой, и до библиотеки. Очень хочется и глотка живительного кофе, и найти статью для доклада по макроэкономике. Но прямо на повороте перед лестницей меня тормозят чьи-то руки, крепко окольцевав со спины. Ну как чьи-то... Цитрусовый парфюм, терпким облаком окутавший меня за секунду, сразу даёт понять, кто так нагло решил меня обнять здесь и сейчас. Я широко улыбаюсь и послушно застываю на месте:

– Марк!

– Привет, Рыжик, – от его низкого шёпота над ухом по позвонкам скользят мурашки.

Одним уверенным движением он разворачивает к себе. Я не успеваю и ахнуть, как Марк, обхватив ладонями моё лицо, касается губ горячим поцелуем. Совершенно не стесняясь, что мы стоим прямо посреди коридора, обтекаемые толпой. К моим щекам, укрытым его широкими ладонями, прилипает жар, а сердце взвивается под рёбрами.

Я никак не могу привыкнуть к подобным фортелям Громова. За прошедшие несколько дней он ловит меня с такими поцелуями в университете не первый раз. Столовая, ко-

ридор, двор, собрание студентов в актовом зале – это происходит везде, где пересекаемся я и Марк.

И каждый раз я густо краснею и одновременно теряюсь в его руках и губах. К нам приковано достаточно внимания, чтобы я ловила на себе косые взгляды одноклассниц, да и не только... Но все те эмоции и впечатления, что дарит мне время, проведенное с Марком, перекрывают напрочь это ощущение неловкости.

Никаких банальных свиданий в кино или кафе. У Громова оказалась изощрённая фантазия, он всегда знает, как заставить меня потерять дар речи.

Вчера, например, наше свидание прошло в специальной студии открытой кухни под чутким руководством шеф-повара одного местного французского ресторана. Мы готовили луковый суп и ещё парочку каких-то умопомрачительных блюд с не менее умопомрачительными названиями.

Честно? Я их даже не запомнила. Несмотря на ауру вкуснейших ароматов, царивших там, думать о еде было затруднительно. Ловко орудующие поварским ножом жилистые, испещрённые татуировками руки Марка – отдельный вид искусства. А когда он, играя хрипотцой в голосе, переговаривался с поваром на французском, я готова была стать сахарной патокой и растечься прямо по столу.

Собственно, как и сейчас, когда, не отрываясь от моих губ, он шепчет:

– Девочка моя...

Цепляюсь за широкие плечи Марка, чтобы устоять на ватных ногах. Веду ладонями по мускулистой шее вверх и складывая пальцы за ней в замок.

– На нас опять все таращатся, – стараюсь придать своему голосу хоть немного строгости и осуждения.

Не выходит. Марк лишь довольно фыркает мне в губы и ластится своим кончиком носа к моему.

– Какие планы после пар?

– Ещё не знаю. Наверное, никаких... – произношу озадаченно, пожав плечами.

– Отлично! – Марк наконец отстраняется, перемещая свои ладони мне на талию и одаривая по-сумасшедшему обаятельной улыбкой. – Тогда чего-нибудь перекусим и сразу поедем.

– Куда? – вопрошающе приподнимаю брови, но в груди уже тянет от предвкушения.

– Друзья пригласили на свой концерт, но он в соседнем городе, так что нам нужно будет выехать заранее.

– Концерт? Блин, Марк, я не готовилась к такому мероприятию, – разъединяю руки на его шее и показательно провожу ими вдоль себя в воздухе.

Обычная белая футболка, джинсы и кроссовки – вот и весь мой сегодняшний гардероб. Продолжая придерживать меня за талию одной рукой, другой, мягко вздохнув, Марк откидывает мне за спину распущенные волосы:

– Рыжик, мы же не в консерваторию. Это драйвовые ре-

бьята, лабающие на бас-гитарах. Я тоже в джинсах и футболе. Всё отлично.

– А мы успеем до закрытия общежития? – решаю уточнить, серьёзно смотря в улыбающиеся глаза Марка.

Перспектива вернуться с концерта и поцеловать дверь общежития меня мало прельщает. После одиннадцати вечера мимо бабы Нюры и таракан не проползёт.

– Конечно успеем, – ласково чмокнув меня в нос, Громов кивает ну о-о-чень утвердительно. – Не переживай. На улице ночевать не будешь. В общем, после пар жду тебя в машине. Да?

Делаю вид, что беру секундную паузу для размышления, задумчиво хлопая ресницами, хотя для меня всё уже и так понятно. Разве у меня есть желание ответить Марку чем-то, кроме согласия?

– Да, – объявляю радостно, снова окольцовывая его шею руками.

И в награду получаю нескромный поцелуй его горячих напористых губ, посылающих сильную волну трепета по телу. К чёрту спешку в столовую, в библиотеку и то, что я и Марк всё ещё посреди коридора, заполненного любопытными взглядами мимо проходящих студентов.

Кому видно, тому стыдно!

Но в библиотеку я всё-таки успеваю. От сорокапятиминутного перерыва у меня остаётся ещё двадцать и надежда,

что за это время я успею найти хоть что-то подходящее по теме предстоящего семинара. Вчера было не до подготовки к нему.

Взяв нужные выпуски журналов, я усаживаюсь с ними за свободный стол, собираюсь быстро погрузиться в мир макроэкономики. И почти получается, пока оттуда меня не выдёргивает ледяной голос за спиной.

– Отцепись от Громова.

Застываю над текстом и таблицами. Мне послышалось? Но чувство, что кто-то «прожигает дыры» на моём затылке заставляет обернуться.

– Что, простите? – удивлённо смотрю на девушку, сидящую позади меня.

Чёрные, будто лакированные волосы, собранные в тугий хвост, тёмные брови вразлёт, огромные глаза, по-кошачьи подведённые стрелками, и полные губы, искривлённые в едкой ухмылке. Эту яркую брюнетку в пудровом и явно очень дорогом брючном костюме я не знаю. Вижу первый раз в жизни и поэтому искренне не понимаю, с какой стати меня сейчас смеряют взглядом, полным отвращения.

– Офигеть. Что он нашёл-то в тебе? – хмыкает она, не прекращая ядовито смотреть в упор.

– Девушка, что происходит? Вы вообще кто? – чуть повышая голос и уже полностью поворачиваюсь к ней на стуле.

Несколько секунд мы буравим друг друга глазами.

– Отвянь от Марка, – повторяет девица.

Меня окутывает холодом. Мерзким и липким, а во рту высыхает пустыня. Пальцы неосознанно сжимают карандаш, готовые вот-вот переломить его пополам. Что за? И какого чёрта?

Хотя где-то в глубине души я понимала, что мои отношения с Громовым не всем покажутся позитивной новостью. Марк не ноунейм студент нашего универа. Я не слепая и вижу, какие взгляды прилипают не только к нам, а конкретно к нему. Но встретиться с таким негативом напрямую оказалась немного не готова. И кто она? Обиженная фанатка? Думает, что напугает меня?

– Ты вообще в своём уме приходить и заявлять это мне в лицо? – перестаю выкать и жёстко выдаю этой фифе, словно сошедшей с постов бьюти-блогеров.

А она лишь снисходительно усмехается. Скрестив на груди руки, облакачивается ими на стол и подаётся вперёд, сокращая расстояние между нашими лицами.

– Дура ты, рыжая. Я, может, уберечь тебя хочу.

Мне в нос бьет тяжёлый, очень сладкий аромат её духов. Сцепившись с этой курвой взглядом, с трудом удерживаюсь, чтобы не скривиться.

– Уберечь? – цежу я, чувствуя, как к горлу подкатывает горечь. – От чего? От собственной зависти?

Брюнетка лишь истерически подхихикивает, вскинув нарисованные брови:

– Я о твоём невинном сердечке. Будешь потом рыдать и

отскребать его ошмётки, когда по нему Громов потопчется.

Эти слова изморозью прокатываются по моим внутренностям. В груди вспыхивает, и мне очень хочется рвануть отсюда... К Марку... спрятаться за его спиной. Но, стиснув зубы и кулаки, заставляю себя сидеть на месте.

– Как и ты своё когда-то, да? – чудом нахожу силы, чтобы произнести это в лицо девице.

В тишину библиотеки врзается громкий скрежет ножек стула по полу. Брюнетка не выдерживает первой. Подорвавшись, она опирается ладонями на стол и, наклоняясь вперед, угрожающе нависает надо мной.

– Я знаю Марка лучше, чем ты думаешь. И даже лучше, чем он сам себя. Знаю, что ему действительно нужно, а ты... – Во взгляде моей «доброжелательницы» ничего, кроме ненависти. – В общем, я тебя предупредила.

Отпихнув свой стул ногой, она быстрым шагом удаляется из библиотеки. А стук её каблучков припечатывает во мне дурное чувство, от которого глаза мигом оказываются на мокром месте.

Глава 13

Ли́ка

Моё настроение портится. И еду я на концерт, едва сдерживая в себе ядовитый осадок после встречи с той непонятной девушкой. Кто она Марку? Чего хочет добиться?

Но я не решаюсь испортить своими мыслями настроение Громову. Поэтому даже не заикаюсь о произошедшем в библиотеке. Включаю всё актёрское мастерство, которым обладаю, и стараюсь не уступать в эмоциях, зажигающему на концерте Марку. Ор песен, танцы, жаркие поцелуи прямо посреди скачущей под ритм басов толпы. Я и вида не подаю, что, пока Марк обнимает, прижимает меня к себе, не выпускает из рук ни на секунду, одновременно кайфуя и получая драйв от всей атмосферы в клубе, мысль о той брюнетке холодит мою спину.

А я не хочу говорить об этом. По крайней мере, именно сейчас. Сегодня Марк невероятно расслаблен и просто горит эмоциями после концерта.

И его даже совсем не парит, что возле общежития университета мы оказываемся уже около двенадцати ночи. И мой настрой скатывается куда-то на уровень плинтуса. Ну что за день-то?

– Опоздали... – Растерянно дёргаю закрытую калитку, ведущую на территорию общаги, а потом так же оторопело пе-

ревожу взгляд на Марка.

А вот стоящий рядом Громов непроницаем. Он лишь спокойно перепроверяет мои действия: тормозит ворота за кованные прутья. И результат тот же – заперто.

– Ну чуть-чуть действительно опоздали...

– Чуть-чуть? Уже полночь. Ты говорил, что мы успеем и проблем не будет, – не могу сдержать досаду в голосе, а порыв пронизывающего ночного ветра заставляет поёжиться и сложить впереди себя руки.

Виновато похлопав ресницами, Марк стаскивает с себя джинсовую куртку и, приблизившись ко мне, заботливо накидывает её на мои плечи.

– Ну раз обещал, значит не будет. Поехали, – вздыхает он. Смотрю на него снизу вверх, нахмутив брови:

– Куда?

– Домой.

– К кому?

– Ко мне, – беззаботно выдаёт Марк, со всей серьёзностью заглядывая мне в глаза.

Несколько мгновений я молчу, переваривая его предложение. Домой? К нему? И меня охватывает неловкость.

– Нет, Марк, – верчу я головой в отрицании. – Время видел? А что скажут твои родители? Во-первых, это некультурно. Во-вторых...

А Громов лишь смеётся и притягивает меня к своей груди, сгребая в охапку:

– Рыжик, откуда ты такая святая простота взялась? Какие родители? Я давно живу один.

Придерживая полы куртки, льну носом к вороту его футболки и опять молчу в смятении. Один? Что вполне логично. Он мальчик взрослый... Самостоятельный. И ехать к нему домой...

От одной подобной мысли мне становится одновременно жарко и нервозно. Вот только где мне ночевать?

– Не знаю, – бормочу себе под нос, чувствуя покалывание на щеках. – Может, я лучше сниму номер в гостинице?

Разместив подбородок мне на макушку, Марк вздыхает:

– Не ты, а я должен снимать. Это же из-за меня мы опоздали. Решай сама, но если так, то в любом случае я сниму соседний номер. Ночевать одну в непонятном месте я тебя не оставляю, – и твёрдо заканчивает свою тираду.

Стоя в объятиях Марка перед закрытым на ночь общежитием, я всё ещё мнусь с ответом. Мысль о гостиничном номере не радует, но и заявиться домой к Громову я не планировала. Мне стеснительно, волнительно и боязно решиться на это предложение. Это всё же чужой дом. Мужской дом.

– Рыжик, если ты стесняешься или боишься, то выбрось это из головы, пожалуйста. – Он сильнее обнимает, скрещая свои руки за моей спиной. А потом, шутливо фыркнув мне в волосы, пускает щекочущие мурашки от макушки вниз к шее. – Лягу на полу и приставать не буду. Обещаю.

– Так... Направо шкаф, налево ванная, ну а прямо и есть вся моя квартира.

Пропустив меня вперёд, Марк закрывает за нами дверь и щёлкает выключателем. Мягкий, тёплый свет, загорающийся по периметру всего потолка, вытаскивает из темноты пространство перед глазами. И я некультурно ахаю. Ничего подобного ни разу в жизни я ещё не видела. Разве что на картинках в дорогих журналах.

Это даже нельзя назвать квартирой в привычном для меня понимании. У квартиры должны же быть коридор, стены... Но это точно не про дом Марка.

Передо мной огромная комната, одновременно являющаяся и гостиной с диваном, и столовой с кухней, и спальней, кровать которой отделена от общего пространства стеклянной решетчатой перегородкой. Никаких обоев и штор. Бетонные стены и панорамные окна в пол на двадцать пятом этаже. И всего одна дверь. Видимо, та самая ванная.

– Ты голодная? Могу заказать пиццу, – не замечая моего ступора, Марк скидывает кроссовки и, аккуратно поставив их у порога, топает вперёд.

– Не нужно. Мне бы просто душ и отдохнуть. – Прочистив горло, всеми силами перебарываю адское чувство смутения.

Разувшись, стягиваю с плеч джинсовку, бережно укладываю её на пуфик у двери и следую за Марком. Мне неловко до мгновенно заledenевших рук и голых стоп, касающихся на удивление тёплой плитки на полу.

И, пока я настороженно рассматриваю логово Марка, погружённое в весьма интимный полумрак, меня ловят в тесные объятия его руки.

– Лица, на тебе лица нет. Ты чего? Тебе здесь настолько неуютно? – Громов чуть ли не с расстройством в глазах внимательно рассматривает моё лицо.

– Нет, что ты! У тебя здесь очень классно. Правда, – таторю я, укладывая ладони на его плечи. А потом всё-таки вздыхаю: – Просто...

– Просто ты стесняешься.

– Да, – я смущенно кусаю губы.

Это даже больше, чем смущение. Внутри меня всё дрожит. И Марк лишь усиливает это чувство. Обхватывает моё лицо ладонями и касается меня осторожным поцелуем.

– Тогда давай просто ляжем спать. Ванная, как и моя кровать, в твоём распоряжении. Я перемещусь на диван. Договорились?

Зажмурившись, быстро-быстро киваю.

– Только мне не во что переодеться, – бормочу и стараюсь не сгореть от смущения.

Я ведь понимаю, что сейчас намекаю на необходимость отжать у Марка футболку. И эта, казалось бы, невинная просьба отдаёт тяжестью в низ моего живота.

– Понял. Не дурак, – смеётся Громов, поглаживая мои пылающие скулы большими пальцами.

Пока я принимаю душ, из ватной головы не идёт мысль,

что там, за дверью, Марк. И больше никого. Мы одни в этой квартире. И нам не по десять лет...

Каждый мой нерв натянут и налит жаром. Я никогда не была с мужчиной так близко и наедине. И в физическом плане тоже. Я не боюсь Марка, но... Хочу ли я? Готова ли?

– Лика, блин... – шепчу своему отражению в серой широкой футболке и с разметавшимися по плечам влажными волосами.

Лицо горит. Внутри горит. Я дико растеряна, но не буду же здесь прятаться всю ночь?

Марк уже в одних джинсах, уставившись в экран телефона, полулёжа ждёт в гостиной на своём диванчике. Заметив меня, он быстро приподнимается с подушек и старается не меняться в лице. Но взгляд мгновенно приковывается ко мне. Скользит по телу и жадно задерживается на голых ногах и бёдрах, едва прикрытых его же футболкой. А мои глаза впиваются в рельефные мышцы, увитые узорами татуировок. И мне хочется не только смотреть, но и коснуться их. Почувствовать.

– Спокойной ночи, Рыжик, – сипит Марк, а его кадык нервно дёргается вниз.

Я останавливаюсь напротив, а потом, не думая, просто проскальзываю вперёд к нему. Перегнувшись через спинку дивана, быстро и невинно целую застывшего Марка в губы:

– Спокойной ночи.

И больше не задерживаюсь рядом и секунды. Через мгно-

вание я уже скрываю своё смущение под пледом на его кровати.

И где бы мне найти такое нужное самообладание? Простыни, подушка... Здесь каждый миллиметр пахнет Марком. И одного запаха мне уже мало. Чувствую себя принцессой на горошине, когда, под шум воды в ванной, пытаюсь как можно скорее провалиться в сон.

Потому что меня знобит. Не могу унять это чувство, даже когда квартира погружается в тишину и темноту. Громов, как и обещал, разместился на диване.

– Марк, а где кот? – неожиданно вспоминаю белоснежного британца. И что-то мной не было замечено ни единого намека на его присутствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.